
Н.И. Платонова

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОГОСТЫ — НОВАЯ СТАРАЯ ПРОБЛЕМА

ВВЕДЕНИЕ

В письменных источниках XV–XVI вв. (в первую очередь, Новгородских писцовых книгах, далее — НПК) погосты выступают как первичная ячейка системы налогообложения и территориального деления Новгородской земли (округа), а центры их («погосты-места») одновременно являются центрами церковных приходов. При этом достаточно отчетливо выступает территориальная специфика данного явления — в законченном, сложившемся виде мы наблюдаем систему погостов только в Новгородчине. В связи с этим возникает целый ряд вопросов: ведь термин «погост» прекрасно известен как позднесредневековым, так и древнерусским письменным памятникам, причем упоминания о погостах связываются отнюдь не с одной Северной Русью.

Начиная с 1980-х гг. к решению указанной проблемы стало возможным привлечь новый корпус источников — археологические данные, позволившие более предметно представить себе ту самую «сельскую округу» X–XIV вв., которая еще в середине XX в. оставалась для историков чем-то совершенно отвлеченным. Теперь же у нас стали накапливаться ее конкретные характеристики.

Археологические данные эпохи раннего Средневековья, отражающие пространственную группировку, функции и социальные связи между поселениями того или иного региона, несут качественно новую информацию о характере территориального деления этих земель. Изучение факторов, обусловивших формы сельского расселения на определенной территории в тот или иной период, вплотную подводят нас к изучению ее административных структур. Анализ этих структур нельзя считать законченным, пока его результаты не будут переведены

на язык древнерусских социально-административных понятий и терминов. Такие аспекты историко-археологического исследования, как характер расселения (равномерный или очаговый), густота сети поселений, их пространственная группировка, функциональные особенности и т. п., имеют прямой выход на проблему древнерусских погостов.

Отмечу особо: появление этой новой информации вовсе не отменяет необходимости критического источниковедческого анализа всего комплекса древнерусских письменных источников по проблеме, а, скорее, делает его еще более насущным. Первая попытка свести эти данные воедино и рассмотреть в их контексте археологический материал была предпринята автором настоящей статьи в конце 1980-х гг. в рамках комплексного исследования северо-западных земель Великого Новгорода. Его результаты освещены в целом ряде публикаций¹. Однако, в силу ряда обстоятельств, из собственно исторической части работы, посвященной древнерусским письменным источникам, в печать попали лишь незначительные отрывки. Настоящая статья является ее первой, более или менее полной публикацией.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ: ВЗГЛЯДЫ НА СИСТЕМУ ПОГОСТОВ В ОБЩИХ ТРУДАХ ИСТОРИКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Проблема происхождения и функционирования древнерусских погостов привлекала внимание историков еще со времен Н.М. Карамзина². Однако мнения подавляющего большинства исследователей по данному вопросу являлись, скорее, выводами из общих концепций, чем результатом источниковедческой проработки материала. Степень информативности каждого взятого в отдельности известия о погостах сравнительно невелика. Возможность их толкований долгое время оставалась неограниченной в силу разнородности и отрывочности источников.

---

¹ *Платонова Н.И.* Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 173–186; *Она же.* Древнерусские погосты в Уставе князя Владимира Святославича // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец, 1990. С. 103–108; *Она же.* Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М., 1991. С. 68–88; *Она же.* О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 181–195; *Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М.* Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 142–194.

² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1818. Т. I. С. 165.

Историки «государственной» школы видели в системе погостов древнейшую государственную разверстку Русской земли, а центры погостов считали «станами», местами остановок князей и их мужей в полюдье³. В.О. Ключевский трактовал их с позиций сформулированной им «торговой» теории происхождения Древнерусского государства — как сборные торговые пункты, объединявшие население окрестных сел. При этом он опирался на несомненную близость самого термина к древнерусскому «гость», «гостити», указывавшую, по его мнению, на торговую функцию указанных центров⁴. Определение границ погостов ученый приписывал уже княжеской власти, не отрицая при этом религиозного и административного значения погостов-пунктов, приобретенного ими в ходе дальнейшего развития⁵.

Двойственную позицию занимал в данном вопросе М.А. Дьяконов. Разделяя мнение В.О. Ключевского о первичности торговой функции погостов, он, тем не менее, указывал, что они «еще в дохристианское время» имели значение административных пунктов и округов⁶.

А.Е. Пресняков считал большую роль погостов в торговле надуманной, навеянной мнимой связью слова «погост» с глаголом «гостити». Впрочем, убедительного альтернативного толкования он так и не привел. Представления исследователя о системе погостов как о чисто административном учреждении киевских князей были обусловлены тем, что, по его мнению, основная масса населения Древней Руси жила исключительно натуральным хозяйством, «ничего не продавала, а отдавала даром»⁷.

Попытка примирить разноречивые мнения историков по данному вопросу была сделана С.Б. Веселовским. Суть его взглядов сводилась к тому, что погосты возникали на месте древних мольбищ и первоначально были центрами, куда периодически собирались крестьяне для жертвоприношения и торговли. Посещали их и заезжие «гости» — купцы и княжие мужи. Так погосты очень рано оказались связаны с полюдьем. Позднее за ними закрепилось значение податных, судебных и приходских округов. Разложение указанной системы иссле-

---

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1–5

⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904. С. 148. Ч. 1.

⁵ Там же. С. 180.

⁶ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1910. С. 183–184.

⁷ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси (очерки из истории X–XII столетий). СПб., 1909. С. 162–173.

дователь считал результатом расширения иммунитетных привилегий феодалов⁸.

Концепция С.Б. Веселовского, изложенная во вводной части к работе, посвященной сельским поселениям XIV–XVI вв., не была подкреплена специальным анализом источников о древнейших погостах и носила, в сущности, умозрительный характер. Попытку такого анализа можно найти в работах Н.Н. Воронина, безоговорочно отождествившего погосты северной Руси с территориальными общинами. Причину отмирания этой системы Н.Н. Воронин, подобно С.Б. Веселовскому, видел в разрушении общины вторжением феодальной земельной собственности⁹. Подобные представления явно сформировались под влиянием так называемой «общинной» и «задружной» теорий происхождения Древнерусского государства. Именно у сторонников этих теорий мы находим характерное для Н.Н. Воронина отождествление древнерусской верви с задругой и трактовку погоста, как территориального союза мелких поселков, образовавшегося путем постепенной колонизации окрестных угодий¹⁰.

Признание общинной основы древнерусского погоста (как правило, со ссылкой на Н.Н. Воронина) было характерно и для ряда ученых 1960–1980-х гг.¹¹ Но отметим: самому Н.Н. Воронину обосновать указанный тезис не удалось. Письменные источники оказались привлечены им далеко не полностью, их критический анализ практически отсутствовал. Попытка исследователя опереться в своих выводах на археологические данные потерпела неудачу по причине очень малой изученности древнерусских сельских поселений в 1930–1950-е гг.

Б.А. Романов, выступивший с критикой построений С.Б. Веселовского и Н.Н. Воронина, решительно утверждал, что ни одно конкретное известие источников «не дает никаких намеков на монообщинность... погостов в отношении землепользования»¹². Трактовка погоста-округа как общины и погоста-центра как мольбища вызвала у него резкие возражения. Подобно А.Е. Преснякову, он

---

⁸ *Веселовский С.Б.* Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. (историко-социологическое исследование о типах городских поселений). М.; Л., 1936. С. 13–20.

⁹ *Воронин Н.Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935. С. 19–20, 27; *Он же.* Поселение // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 183–184.

¹⁰ *Беляев И.Д.* Рассказы из русской истории. М., 1861. Кн. 1. С. 130; *Блюменфельд Г.Ф.* О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884. С. 263.

¹¹ *Седов В.В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960. С. 34; *Черепнин Л.В.* Формирование крестьянства на Руси // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. С. 324–325. Т. I.

¹² *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Труды ЛОИИ. 1960. Т. 2. С. 327–476, 414.

считал административно-фискальные функции погостов первичными и основными. Систему погостов на Руси Б.А. Романов связывал, в первую очередь, с существованием полюдья как архаического, раннефеодального способа сбора дани. Соответственно, и отмирание этой системы в XIII–XIV вв. объяснялось им не столько развитием иммунитета, сколько исчезновением полюдья из управленческой практики¹³.

В работе Б.А. Романова имеется немало примеров тонкого, квалифицированного анализа исторических источников о погостах и оценки содержащейся в них информации. Однако и тут обращение к источникам носило явно выборочный характер. Производилось оно по ходу критического разбора концепций Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского. Основное внимание исследователя занимали погосты Северо-Восточной Руси. В своих рассуждениях он сознательно абстрагировался от материалов северо-западных областей России, лишь вскользь упомянув об их региональной специфике¹⁴. В результате выводы Б.А. Романова нередко оказываются в противоречии с источниками, происходящими с этих территорий. В частности, материалы Псковской земли и Новгородского Северо-Востока недвусмысленно указывают на излишнюю категоричность тезиса об отсутствии даже «наметок» на территориально-общинный характер владения землей жителями одного погоста¹⁵.

Систематический обзор данных о древнейших погостах отсутствует и в капитальном исследовании А.Н. Насонова, посвященном исторической географии Древней Руси. Но по ходу изложения материала в его книге был высказан ряд плодотворных мыслей о сущности погостской системы и характере ее формирования. Не отрицая роли погостов как территориальных центров эпохи раннего Средневековья, А.Н. Насонов был склонен считать, что все они «первоначально... имели значение „становищ“, ...откуда распространялась во время объездов деятельность административно-финансовая и судебная...». Одновременно он подчеркнул пропорциональную зависимость между плотностью населения погоста и его размерами. Новым в трактовке А.Н. Насонова оказалось то, что он прямо заговорил об *эволюции системы* погостов, дроблении их территории по мере роста населения и о том, что «новые

---

¹³ Там же. С. 345–357.

¹⁴ Там же. С. 344.

¹⁵ *Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских. 1853. Т. 8. С. 104; *Перельман И.Л.* Новгородская деревня в XV–XVI вв. // ИЗ. 1948. Т. 26. С. 145–146; *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XV–XVI вв. М., 1966. С. 16, 59–60.

погосты, как поселения, могли быть совсем иного происхождения, чем погосты-поселения старые»¹⁶.

В дальнейшем взгляды А.Н. Насонова на древнерусские погосты получили продолжение в трудах М.Б. Свердлова, подчеркнувшего историческую эволюцию термина «погост» и обозначаемых им реалий. Первоначально так назывались, по его мнению, специально построенные дворы или села, ставшие традиционными местами остановок сборщиков дани. В дальнейшем погост приобрел значение административного округа, приходского центра, места торговли и т. п. Разногласия историков в определении роли погостов в древнерусской жизни М.Б. Свердлов объясняет невниманием исследователей к быстрому изменению семантики термина и абсолютизацией отдельных сторон одного и того же явления. В своей трактовке причин исчезновения погостской системы в южнорусских землях исследователь идет по стопам С.Б. Веселовского и Н.Н. Воронина, объясняя его широким распространением княжеского и боярского землевладения. Длительное сохранение погостов на севере Руси было обусловлено, по мнению М.Б. Свердлова, непрерывностью процесса внутренней и внешней колонизации, продолжавшегося в этом регионе¹⁷.

Последнее утверждение отчасти восходит уже к иной концепции, сформулированной Б.А. Рыбаковым. Трактовка древнерусских погостов этим исследователем отличалась по тем временам значительной новизной. В противоположность Б.А. Романову и многим другим ученым, связывавшим функционирование системы погостов с существованием полюдья, Б.А. Рыбаков видел в них опорные пункты сбора дани *вне зоны полюдья*. Таким образом, появление погостов связывалось им с начальным этапом окняжения земель и расширением сферы государственного влияния на новые территории¹⁸.

Еще дальше по тому же пути пошел в своих рассуждениях И.Я. Фроянов, резко разграничивший понятия «дань» и «полюдье». Дань, по его мнению, могла собираться лишь с населения с принижённым социальным статусом — представителей покорённых племен или полоняников, посаженных на землю. Именно к этим социальным группам приложимо понятие «смерды». Центрами сбора дани в округе, заселённой смердами, и являлись погосты, не имевшие никакого

---

¹⁶Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 95–96.

¹⁷Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 62–64.

¹⁸Рыбаков Б.А. Смерды // ИСССР. 1979. № 2. С. 44–47.

отношения к местам остановок князей в полюдь на землях свободных общинников¹⁹.

В работах И.Я. Фроянова встречаются противоречивые суждения по данному вопросу. Так в книге, написанной в соавторстве с А.Ю. Дворниченко, содержится трактовка погостов как центров общин славян-кривичей. По мнению авторов, в грамоте Ростислава Смоленского XII в. отразился, в частности, процесс формирования «микроволости» Вержавляне Великие, состоявшей из девяти погостов, плативших большую дань (1000 гривен). «Очевидно, дань сначала выплачивалась прямо в Смоленск. Постепенно Вержавск объединяет погосты (погосты — скорее всего центры общин) вокруг себя, в него начинает „сходиться“ дань, образуется союз общин во главе с торгово-ремесленной и земледельческо-землевладельческой общиной главного города... По такому пути, собственно, шли все погосты, существование которых отразилось в грамоте. Все они начинали стягивать небольшие волости и проявлять тенденции к превращению в города...»²⁰.

Однако в монографии о Новгороде Великом, опубликованной несколькими годами позднее, И.Я. Фроянов продемонстрировал верность своим представлениям о погостах как административных центрах в землях покоренных неславянских племен. Прочитав известие ПВЛ об «установлении» княгиней Ольгой погостов и даней по Мсте и Луге в 947 г., автор без тени сомнения утверждает: «...Если учесть, что по Луге жила вода, а по Мсте „сидела“ весь, то легко понять, что цель Ольги здесь состояла в получении дани с названных иноязычных племен...»²¹. Увы, профессиональному археологу совсем не «легко» понять эту сокрушительную логику автора, а уж согласиться с его трактовкой населения нижнего/среднего Помостья или верхнего Полужья, входивших в основное ядро Новгородских земель, — и вовсе невозможно. Еще к моменту опубликования книги в 1992 г. подобное суждение успело устареть лет на 20.

В рамках того же подхода, трактующего древнейшие погосты без серьезного анализа самого понятия по источникам, исключительно в русле общих концепций истории Древней Руси, можно рассматривать и известную гипотезу В.Я. Петрухина и Т.А. Пушкиной²². По мне-

¹⁹ Фроянов И.Я. Смерды в Киевской Руси // Вестн. ЛГУ. Сер. истории. 1966. № 2. С. 62–73; *Он же*. Киевская Русь. Очерки социально-экологической истории. Л., 1974. С. 113–126.

²⁰ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 45.

²¹ Фроянов И.Я. Мятельный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII века. Л., 1992. С. 128.

²² Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предистории Древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 100–112.

нию авторов, исследованные археологами во второй половине XX в. открытые торгово-ремесленные поселения (ОТРП) IX–XI вв. (Гнёздово, Шестовицы, Рюриково городище, Тимерёво и пр.), приуроченные к важнейшим торговым путям и нередко называемые в современной археологической литературе «протогородами», представляют собой «*великокняжеские дружинные погосты*». Их расположение вблизи древнерусских городов, более тесно связанных с прилегающей округой и являвшихся, по мнению авторов, племенными (или «первичными») центрами (Смоленск, Новгород, Ярославль и пр.), трактуется, как противостояние, закончившееся в XI в. экономической победой городов и упадком ОТРП («вторичных центров»).

По справедливому замечанию Е.Н. Носова, такая постановка вопроса предполагает, что «племенные центры» должны быть заведомо древнее «великокняжеских погостов». «В действительности, судя по археологическим материалам, все было наоборот — древнее центры „вторичные“, по В.Я. Петрухину и Т.А. Пушкиной. Если это так, то и все дальнейшие построения исследователей оказываются искусственными...»²³.

Если же рассматривать концепцию авторов с точки зрения проблемы развития древнерусских погостов, то приходится признать: указанный термин был привлечен для обозначения такого явления, как ОТРП, совершенно произвольно. Собственно, какие источники позволяют утверждать, что погосты вообще были «великокняжескими» и «дружинными»? Какие источники говорят о «противостоянии» и экономическом соревновании погостов с крупными ранними городами, подобными Новгороду, Смоленску и Ярославлю? Откуда можно заключить об их упадке, в связи с «интенсивной феодализацией», в XI в.? На мой взгляд, никаких оснований для поддержки указанных тезисов на данный момент нет. Налицо неправомерное отождествление двух совершенно разных явлений в истории Древней Руси — протогорода и погоста.

2. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Параллельно описанному выше подходу в отечественной науке XIX–XX вв. развивалось и иное направление исследований интересу-

---

²³ Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя: новые материалы и исследования. СПб., 2005. С. 20.

ющих нас материалов. В основу его легли успехи в области историко-географических и статистических методов изучения писцовых книг XV–XVI вв. Начало работам такого рода положил К.А. Неволин, который предпринял первую попытку систематизировать все имеющиеся данные письменных источников о погостах²⁴. Он стал основоположником ретроспективного метода изучения древнерусской административной системы по писцовым материалам.

Картографирование данных НПК и наблюдения над характером границ новгородских пятин и погостов позволили исследователю высказать обоснованное предположение о глубокой древности погостского деления в том виде, как оно было зафиксировано московскими переписями. Напротив, пятинны ученый счел нововведением конца XV в. Свои представления об исконности системы погостов в Новгородчине он постарался обосновать с помощью более ранних материалов. Эта работа оказала огромное влияние на весь последующий ход исследований в данной области.

Параллельно К.А. Невוליным была предпринята попытка установить соответствие погостов-центров, учрежденных князьями, местам «дохристианского богослужения», располагавшимся, по его мнению, на городищах. Здесь автор явно следовал в русле представлений З. Доленга-Ходаковского о городищах как славянских святилищах, «храмах под открытым небом», вокруг которых должны были располагаться урочища, посвященные языческим богам. Стоит отметить: в период, когда К.А. Неволин производил свои исследования, указанная гипотеза являлась вполне актуальной. Русская археология еще не располагала более точными сведениями на этот счет²⁵. Указанная часть концепции К.А. Невוליной — наиболее умозрительная и потому наиболее слабая — была подхвачена целым рядом историков. Но в наши дни она сохраняет лишь историографический интерес.

В русле традиции, созданной К.А. Невוליным, был подготовлен целый ряд работ, вышедших из печати на рубеже XIX–XX вв.²⁶ Все они, как правило, вводили в научный оборот новые данные, осно-

²⁴ *Неволин К.А.* О пятинах и погостах.

²⁵ *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1917. СПб., 1991. С. 66–68.

²⁶ *Панков А.А.* Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в Северной России // *Русский вестник*. 1898. Т. 258. Кн. 11. С. 55–85; Кн. 12. С. 13–34; *Нордман Н.Н.* Географическое положение погостов — округов Шелонской пятины по писцовым оброчным книгам 1498 г. (с картой 17 погостов Шелонской пятины) // *Изв. Русского географического общества*. 1908. Т. 44, вып. 8. С. 529–592; *Сергий (Тихомиров)*. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 г. (с приложением алфавитных списков сел, деревень, починков и пустошей, названных в писцовой книге 1500 г., алфавитного списка помещиков и карт Водской пятины и ее погостов в 1500 г.). СПб., 1905.

ванные на приложении методов картографирования и статистической обработки к изучению НПК. Выводы обычно представляли собой комментарий к карте и таблицам. Исследователи уточняли границы позднесредневековых погостов, давали им характеристики по степени освоенности, людности и т. п.

Ретроспективные выкладки К.А. Неволина относительно древнейших погостов получили продолжение в трудах А.М. Андрияшева, который проанализировал, вкупе с НПК, весь наличный комплекс картографических материалов XVIII–XIX вв. по Шелонской пятине. Предпринятая им локализация сельских поселений XV–XVI вв. отличалась высокой степенью точности²⁷. Обеспечив надежную базу историко-географических фактов, автор с большой вероятностью сумел определить границы каждого погоста-округа. Развивая взгляды К.А. Неволина на происхождение погостского деления, ученый выдвинул в качестве аргумента свои собственные наблюдения над границами погостов, повсеместно обусловленными географическими факторами (непроходимые леса, болота). По его мнению, эти мелкие округа складывались постепенно и органично, в ходе процесса первичного земледельческого освоения местности²⁸. Работа А.М. Андрияшева наглядно продемонстрировала богатые возможности историко-географического исследования, произведенного на базе писцовых материалов.

Впрочем, аргументация автора в пользу древности естественно-географических рубежей между погостами не всегда оказывалась убедительной. Реальная степень заселенности Новгородских земель в древнерусский период была ему неизвестна. В настоящее время сплошное археологическое исследование отдельных регионов ясно показало: формирование границ округов на подобной основе не обязательно свидетельствует об их раннесредневековой датировке. Основные поселенческие ядра разных погостов складывались в различные периоды — от IX–X до XIII–XIV вв. Однако границы округов заведомо поздней стадии формирования зачастую носят столь же несомненный естественно-географический характер, что и границы погостов, локализуемых в областях первоначального земледельческого освоения Новгородчины. Таким образом, построение исторических ретроспекций на основе данных НПК требует большей осторожности.

---

²⁷ *Андрияшев А.М.* Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Карты погостов. СПб. 1913.

²⁸ *Андрияшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. I. Списки селений. М., 1914. С. XXI–XXII.

Так или иначе, заключения К.А. Неволина и А.М. Андрияшева о характере позднесредневекового погостского деления Новгородчины и его древнерусских корнях долго являлись последним словом науки по данному вопросу. Дальнейшее изучение НПК пошло по иным направлениям, оставив в стороне проблему формирования той административной системы, которую они зафиксировали в сложившемся виде. Очередная попытка ретроспективного анализа писцовых материалов была предпринята лишь в 1970-х гг. А.Я. Дегтяревым — уже на принципиально иной основе по сравнению с дореволюционными исследованиями²⁹. Помимо карты средневековых деревень XV–XVI вв., в распоряжении автора уже имелась археологическая карта древнерусских памятников Новгородской земли (в основном курганных могильников), давшая обильный материал для сопоставления. Впрочем, попытка ее анализа в работе А.Я. Дегтярева оказалась неудачной. Древнерусские памятники были взяты не дифференцированно — почему и не удалось проследить никаких отчетливых изменений в характере расселения и пространственной группировке населенных пунктов с X по XVI в. Резонному предположению автора, что истоки средневековой системы расселения уходят в древнерусский период, сопутствовали серьезные ошибки в хронологических расчетах. Так, например, формирование древнерусской курганной культуры на Северо-Западе России начинается не в X в., как долгое время считалось, а не ранее второй половины XI в. В методике анализа археологических данных, применявшейся автором, тоже имелись изъяны — картину, сложившуюся к XIII в., не следовало некритически переносить в более раннее время.

Тем не менее общая направленность работы А.Я. Дегтярева была перспективной. Она соответствовала наметившейся в отечественной науке 1970–1980-х гг. плодотворной тенденции — сочетать ретроспективный анализ письменных источников XIV–XVI вв. с изучением данных археологии и топонимии. Соответственно, оживились и попытки ретроспективного исследования системы погостов НПК — уже на принципиально новом уровне. Этому способствовали производство широкомасштабных археологических разведок, картирование раннесредневековых памятников и начало систематических раскопок сельских поселений.

Метод, применяемый в исследованиях такого рода, основан на комплексном использовании данных различных дисциплин, включая ар-

---

²⁹ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

хеологию, историческую географию, топонимию, эпиграфику и т. д. («комплексное источниковедение»). Разработка метода на современном уровне в значительной степени является заслугой В.Л. Янина. Производилась она уже не столько на базе изучения НПК, сколько на материалах более ранних памятников письменности и археологии Новгорода. В 1980-х гг. в этом ключе была выполнена целая серия работ — самого В.Л. Янина, Е.Н. Носова, С.З. Чернова и др. Тогда, в частности, было показано, что окончательное формирование границ погостов эпохи НПК на землях, ближайших к Новгороду (Поозерье), произошло уже в эпоху позднего средневековья³⁰. Это согласуется с мнением А.М. Андрияшева о существовании здесь ряда позднейших погостов, «раздробивших» территорию более древнего округа³¹.

В последние десятилетия комплексные разработки в данном направлении продолжали неуклонно развиваться. На их материалах можно выделить два доминирующих подхода — историко-археологический и историко-географический (хотя в современных исследованиях они чаще выступают как взаимосвязанные). Как уже говорилось, на рубеже 1970–1980-х гг. проблема погостов и погостского деления территорий привлекла внимание профессиональных археологов, начавших сплошные обследования исторических микрорайонов и раскопки целых серий древнерусских сельских поселений. Археологическая составляющая в таких исследованиях, как правило, преобладает. Реконструкция наиболее ранних, древнерусских этапов истории погостской системы ставилась (и ставится ныне) как одна из первоочередных целей³².

---

³⁰ Чернов С.З. Историческая география Взвядского погоста // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 104–112.

³¹ Андрияшев А.М. Материалы. С. XXIV.

³² Харлашов Б.Н. К вопросу о формировании и развитии погостов и писцовых книг в Псковской земле // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практич. конф. Псков, 1986. С. 32–33; *Он же*. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 70–76; *Платонова Н.И.* Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1988; *Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М.* Древнерусский протогородской центр; *Конецкий В.Я.* Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли: 1990. М., 1991. С. 89–116; *Он же*. Проблемы и перспективы микрорегиональных историко-археологических исследований (на примере района низовьев реки Холмовы) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Новгород, 1995. С. 7–9; *Конецкий В.Я., Носов Е.Н.* Бельский археологический комплекс — древний административный центр Помостья // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989. С. 76–81; *Макаров Н.А.* Сельские приходы XV–XVII веков и системы расселения домонгольского времени на Белом озере: проблема преемственности // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып 3 (URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/3ki/ril/lov/2.htm>); *Ma-*

Параллельно в 1990–2000-х гг. были продолжены историко-географические исследования позднесредневековых источников — в первую очередь, новгородских. Изначально они строились в традиционном ключе — по классической методике К.А. Неволлина и А.М. Андрияшева. Однако базовый комплекс материалов, положенных в основу, оказался заметно расширен по сравнению с работами начала XX в. Увеличение источниковой базы достигалось, с одной стороны, за счет архивных изысканий, поиска новых письменных и картографических материалов. С другой стороны, важную роль сыграло начало широкого полевого изучения памятников эпохи позднего Средневековья и Нового времени, включившее в себя раскопки и сбор историко-этнографических материалов. На повестку дня встали: более углубленная разработка вопросов средневекового землевладения, проблема связи погостской системы с сетью средневековых коммуникаций, исследование сельского храмового строительства XVI–XVII вв. и др.³³

3. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ДРЕВНЕРУССКИХ ПОГОСТАХ X–XIII ВВ.

3.1. Известия о погостах X–XI вв.

Как уже было показано выше, отрывочность данных древнерусской письменности о погостах издавна являлась причиной разноречивых мнений о них, грешивших порою чистой умозрительностью. К сожалению, попыток свести воедино весь массив письменных источников, несущих информацию по данной проблеме, не предприни-

---

каров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001; Кудряшов А.В. Археологические памятники Средней Шексны X–XIII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.

³³ Харлашов Б.Н. Некоторые итоги изучения административно-территориального деления Псковской земли // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2000; Селин А.А. Предания о сельских храмах и археологические реалии XVI в. // Церковная археология. Мат-лы 1-й всерос. конф. Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура (Археологические изыскания. Вып. 26, ч. 2). Санкт-Петербург; Псков, 1995. С. 120–122; *Он же*. Ивангородская дорога. СПб., 1996; *Он же*. Сельское храмовое строительство в Водской пятине конца XVI — начала XVII вв. // Первые Димитриевские чтения. Мат-лы науч. конф. 21–24 апреля 1996 г. 1996. С. 204–210; *Он же*. Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятин. СПб., 2003; Фролов А.А. Территориально-административная система XIV–XV вв. на землях Деревской пятин Новгородской земли. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001; Безус Н.Б. Северные погосты Деревской пятин в конце XV — XVI вв.: расселение и землевладение. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2002.

малось вплоть до конца 1980-х гг., но и то, что было сделано тогда, осталось, по сути, не опубликованным³⁴. В дальнейшем, несмотря на большой размах региональных комплексных исследований в последние десятилетия, новой попытки обобщить эту информацию так и не было предпринято. Между тем необходимость подобной работы очевидна. Накопившийся археологический и историко-географический материал требует сопоставления не с отдельными, вырванными из контекста фактами, а со всем комплексом данных древнерусской письменности о погостах. Это заставило меня сейчас вновь вернуться к этой теме. Отдавая себе отчет в возможной неполноте обзора, я полагаю: он содержит некоторую «информацию к размышлению», небесполезную для коллег.

Древнейшим летописным известием о погостах иногда считается упоминание ПВЛ под 6390 (882) г. о том, что «Олег нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери»³⁵. На основании этого порой делаются далеко идущие выводы о прекращении сбора дани «наездом», организации погостов и строительстве на них укрепленных центров³⁶. Разумеется, закладка крепостей на недавно захваченных землях могла преследовать самые различные цели, в том числе и упорядочение сбора дани. И все же для того, чтобы говорить об отмене дани «наездом», отождествляя Олеговы «города» с погостами, следовало бы точнее представлять себе размеры территорий, контролируемых упомянутыми «городами». В действительности, отход от практики «наездов» был возможен лишь при наличии сложившейся системы поселений — опорных пунктов княжеской власти. Переводить «города» словом «погосты», на мой взгляд, нет никаких оснований. Как будет показано ниже, древнерусские книжники XI–XII вв. хорошо знали значение слова «погост». Однако в данном случае летописец говорит не о погостах, а именно о городах.

3.1.1. Устав кн. Владимира Святославича. Древнейшее достоверное письменное свидетельство о погостах — Устав кн. Владимира Святославича — четко разграничивает эти два понятия. Там говорит-

³⁴ *Платонова Н.И.* Погосты и формирование системы; *Она же.* Древнерусские погосты в Уставе князя Владимира Святославича // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торпец, 1990. С. 103–108.

³⁵ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси XI — начала XII в. М., 1978. С. 38.

³⁶ *Алексеев Л.В.* О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. 1977. № 1. С. 83–103; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Начальные этапы урбанизации и становления государства (по материалам Древней Руси и Скандинавии) // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 99–108.

ся: «...и по всем городам дал есмь, и по погостам, и по свободам, где крестьяны суть... (выделено мной. — Н.П.)»³⁷.

Цитированный отрывок Устава Владимира присутствует во всех редакциях этого памятника и реконструируется исследователями в составе древнейшего ядра текста, восходящего, по-видимому, к 995 г. (появление «Уставной грамоты Десятинной церкви»)»³⁸. Попытки увидеть тут полный перечень типов поселений, существовавших на Руси при Владимире, подверглись в литературе критике³⁹. Действительно, трудно представить себе, что на рубеже X–XI вв. на Руси были известны только «погосты» и «свободы» и отсутствовали «села». Этому противоречат летописные упоминания о «селах», приуроченные к X в., и распространенность этого понятия в XI в.⁴⁰

С другой стороны, совокупность городов, погостов и свобод явно олицетворяет в данном контексте *всю землю*, на которую распространяется действие Устава. Жители земли недвусмысленно названы при этом «христианами» («крестьяны»). Сочетание этих двух факторов представляется важным моментом. Поскольку указанный фрагмент текста реконструируется в числе тех, что были перенесены в Устав Владимира из Уставной грамоты Десятинной церкви 995 г., из сферы его приложения заведомо следует исключить значительную часть территории Руси, где христианизация происходила позднее. Указанная грамота еще не была общерусским уставом, она лишь подтверждала права и привилегии Десятинной церкви в Киеве. Следовательно, в первоначальном варианте конца X в. фраза «и по погостам, и по свободам, где крестьяны суть» *подразумевала лишь часть* Среднего Поднепровья, а именно — Киевскую землю. Здесь сельское население, безусловно, было крещено уже в первые годы после принятия христианства князем и главным городом. Во всяком случае, Устав Владимира представляет собой весомый аргумент в пользу такого предположения⁴¹.

---

³⁷ ДКУ. С. 15, 18.

³⁸ Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 121–126.

³⁹ Романов Б.А. Изыскания. С. 340.

⁴⁰ Повесть временных лет. С. 74; ПРП. Вып. 1. С. 79; Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 31.

⁴¹ Данное предположение, на мой взгляд, вовсе не противоречит тому факту, что на практике сельское население Руси и после крещения продолжало сохранять в быту немало языческих традиций (Рыбаков Б.А. Язычество. С. 456–752). Эти традиции, на которые нередко обращают повышенное внимание археологи, на деле есть просто культурные нормы, сложившиеся на базе предшествующего развития данной группы населения. С переменой религии они, разумеется, не исчезали бесследно: это противоречило бы всем мыслимым закономерностям развития культуры. Они видоизменялись и, самое главное, теряли свои былые идеологические смыслы.

Позднее, в XI–XII вв., по мере дальнейшего формирования текста Устава, упомянутый отрывок мог получить территориально более широкое толкование. Показательно, что в ряде позднейших редакций, созданных в те времена, когда понятия погостов и свобод заведомо не могли охватить *всю* сельскую округу, указанный перечень стал дополняться выражениями: «и по всей земли», «по всей Русской земли», «по своим домом и по селом боярским, и по домом, где суть христиане» и т. п.⁴²

Таким образом, хотя рассмотренный отрывок и не содержит исчерпывающего перечня типов поселений на Руси конца X — XII вв., не следует видеть в нем случайный, заведомо неполный набор терминов. Возможно, они обозначают административно-территориальные единицы — города с их ближайшей округой и сельские округа различного статуса, чья совокупность в определенный период могла охватывать всю землю, уже подвергшуюся окняжению. Но имеется одна деталь, которая заставляет сместить акценты.

Все статьи Устава Владимира, предшествующие рассмотренному нами отрывку, трактуют *о податях и судах*. Именно десятина от всех доходов киевского князя и право суда над некоторыми видами преступлений «даются» отныне церкви в каждом городе, каждом погосте и каждой свободе. Так не будет ли закономерным предположить, что в списке перечислены именно *центры сбора доходов и судопроизводства* — и не упомянуты те виды поселений, которые заведомо не являлись такими центрами (села, веси и т. п.)? Четкое разграничение городов, погостов и свобод объясняется, по-видимому, различным статусом их населения. Если учесть, что с погостами в дальнейшем устойчиво связывались податные функции, а свободы/слободы в средневековых источниках означают поселения на льготе⁴³, их разграничение выглядит оправданным и демонстрирует единый принцип, которым руководствовались составители Устава.

Наиболее бесспорным выводом из указанного текста представляется существование погостов как окружных центров на территории основного ядра Русской земли в Среднем Поднепровье не позднее последней четверти X в.

Принадлежность к христианству определяется на духовном и мировоззренческом уровне — точно так же, как ключевым этническим признаком является этническое самоопределение.

⁴² ДКУ С. 46, 74–75.

⁴³ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 13; Романов Б.А. Изыскания. С. 343.

3.1.2. Известия ПВЛ о княгине Ольге и проблема погостов.

Важным свидетельством о погостах X–XI вв. служит сообщение ПВЛ, датированное 947 г. Текст его гласит:

В лето 6455 (947). Иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища, и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивше, възратися к сыну своему Киеву и пребываше с ним в любви⁴⁴.

Подавляющее большинство ученых всегда относились к этому сообщению с доверием. Противоположные мнения высказывались редко, да и продиктованы были, скорее, общими соображениями, чем критическим отношением к данному конкретному летописному отрывку⁴⁵. Между тем при оценке его информативности наибольшее значение имеют как раз не общие соображения о степени достоверности известий X в. в ПВЛ, а то, какое место занимает указанный текст в комплексе сообщений о княгине Ольге — правительнице.

Этот комплекс состоит из двух основных частей. Первая представляет собой былинно-сказочный цикл о мести Ольги за убийство Игоря, происхождение которого из устной традиции не вызывает сомнений⁴⁶. Вторая часть — описание поездки Ольги в Царьград и ее крещения. В этом рассказе какая-то повесть житийного характера, насыщенная цитатами из Св. Писания, тоже оказалась переплетена с устной легендой. На эту последнюю указывает присутствие «бродячих» мотивов сватовства и посрамления императора, дважды обманутого княгиней. Существуют различные мнения о том, как именно происходил синтез церковных и фольклорных источников в этом рассказе, но опять-таки, его былинно-сказочная составляющая несомненна⁴⁷. Двумя описанными циклами, по сути, *исчерпываются все сведения об Ольге-правительнице на протяжении 19 лет* (с момента убийства Игоря в 945 г. до начала активных действий Святослава в 964 г.). Их дополняет лишь приведенное выше сообщение о поездке княгини в Новгород и «уставлении» ею погостов, даней и оброков.

⁴⁴ Повесть временных лет. С. 74.

⁴⁵ Бахрушин С.В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 168–169, 173.

⁴⁶ Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 9–150. С. 32–35; Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 29–35.

⁴⁷ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 111–113; Платонов С.Ф. Летописный рассказ Ольги о крещении в Царьграде // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54. С. 182–186; Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975. С. 56–57.

Немногочисленные известия об Ольге, приуроченные к более позднему времени, носят тот же характер, что и рассмотренные выше. Так, повесть об осаде Киева печенегами, в которой княгиня играет пассивную роль, относится уже к «Святославу циклу» устных преданий, использованных при составлении летописи⁴⁸. Таким образом, комплекс известий об Ольге весьма однороден по происхождению. В содержательной части он почти целиком восходит к устной традиции, частично переработанной книжниками XI в. в жанре церковно-учительной литературы⁴⁹. Безусловно, выпадают из общего ряда лишь известие о дне и часе смерти княгини, основанное, видимо, на краткой церковной записи, и — летописная статья 947 г., тоже не связанная тематически ни с одним из эпических циклов (*saǵ?*), положенных в основу летописных рассказов об Ольге.

Сколько бы десятилетий ни отделяло первоначальную запись этих сказаний от описанных в них событий, фактом является то, что за этот отрезок времени они успели оформиться в сюжетные повествования, обрасти сказочными мотивами. Следовательно, исторические события, лежащие в их основе, попали в летопись, уже будучи «трансформированы по законам жанра»⁵⁰. Насколько серьезной могла быть трансформация, показывает сравнительный анализ летописных и иностранных известий о целом ряде событий X в.⁵¹

Важным свойством дошедшей до нас информации о деятельности Ольги является ее избирательность. Устная традиция сохранила к моменту записи только те сведения, которые вошли в состав сюжетных, передававшихся из уст в уста сказаний о прежних временах. Вероятность длительного бытования в устной передаче каких-то отрывочных, изолированных данных о событиях середины X в. очень мала.

Таким образом, сведения о «реформах» Ольги в Новгородской земле имели шанс сохраниться в устной традиции, лишь будучи включены в состав какого-то более обширного, связного повествования об ее деятельности на севере. Однако ни в ПВЛ, ни в параллельном ей тексте НПЛ нет никаких следов подобного сказания. Что же обусловило

⁴⁸ *Карышковский П.О.* К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1952. Вып. 9. С. 59.

⁴⁹ *Шахматов А.А.* Разыскания. С. 111–113; *Он же.* Повесть временных лет. С. 32.

⁵⁰ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории народов Восточной Прибалтики (VII–XII вв.) // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 58–59.

⁵¹ *Половой Н.Я.* К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источников) // ВВ. 1961. Вып. 18. С. 85–104; *Литаврин Г.Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: проблема источников // ВВ. 1981. Вып. 42. С. 35–48; *Он же.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 43–57.

появление известия о старинных княжьих погостах, оброках и данях? На мой взгляд, причина могла быть следующей: на момент составления ПВЛ упомянутые в нем «уставы» княгини Ольги еще не потеряли своей актуальности.

Последнее означает: при включении в летопись указанных сведений, древнерусский книжник опирался на современные ему реалии (скорее всего, конца XI или начала XII в.). Это могли быть местные топонимические предания, приписывавшие Ольге старинные «ловища, знамянья, места и погосты». Стоит отметить: географическая номенклатура и связанный с нею фольклор представлялись летописцам вполне надежным источником. Характерным примером является сообщение ПВЛ о прохождении угров по горам Угорским, сконструированное исключительно на базе данного топонима⁵². Обратим внимание: данная статья не содержит никаких красочных деталей, которые указывали бы на преднамеренное сочинительство. То же следует сказать и о сухом, лаконичном сообщении о походе Ольги к Новгороду и ее «уставах».

Если так, то можно сделать вывод, что, например, на Мсте в XI в., действительно, существовали старинные погосты, основание которых связывалось современниками с деятельностью княгини Ольги. Сходным образом обстоит дело и с летописным упоминанием Луги. Правда, отрывок «и по Лузе оброки и дани» отсутствует в НПЛ, восходящей, по мнению ряда исследователей, к более раннему летописному своду⁵³. Тем не менее можно с уверенностью говорить об их одновременном присутствии в тексте ПВЛ 1110-х гг. Таким образом, отраженные в тексте реалии восходят к достаточно раннему периоду истории Северной Руси, отмеченному активной деятельностью Мономаха и Мстислава Великого. Отметим также, что все списки ПВЛ Ипатьевской традиции дают нам вариант: «по Мьсте *погосты* и дань, и по Лузе *погосты* и дань, и оброки (курсив мой. — Н.П.)»⁵⁴. Данное чтение появилось в их протографе не позднее XIII в.⁵⁵

Если в целом летописная статья 947 г. носит характер припоминания, основанного на топонимических и фольклорных источниках, то это вовсе не значит, что приведенные в ней сведения неверны. Вряд ли следует подвергать сомнению сам факт похода Ольги в Новгород, воз-

⁵² Шахматов А.А. Разыскания. С. 105.

⁵³ Там же. С. 111; Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Вып. XXX. С. 3–25.

⁵⁴ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II: Ипатьевская летопись. С. 50; С. 156–158.

⁵⁵ Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. 1985. Вып. XXXIX. С. 18–277.

можно, связанный с оставлением там на княжении малолетнего Святослава⁵⁶. Причастность княгини к «земельному устройению» Новгородской земли кажется вполне вероятной. Однако специфика источника состоит в том, что ситуация, сложившаяся не ранее конца XI в., спроецирована тут на 100–150 лет назад, а степень надежности допущения нам не вполне ясна. Следовательно, терминологический, понятийный анализ данного известия будет представлять собой, в первую очередь, исследование реалий конца XI — начала XII в.⁵⁷

И все же остается неясным: почему указанное известие о погостах и оброках по Мсте и Луге, основанное на новгородских топонимических преданиях, оказалось столь важным более 100 лет спустя? В чем заключалась его особая актуальность? Не несло ли оно некой смысловой нагрузки, которая была ясна современникам, но впоследствии забыта? Археологическое исследование древнерусских поселений, топографически связанных с центрами средневековых погостов на р. Луге (предположительно — тех самых, которые имела в виду летописная статья 947 г.), заставляют предположить, что дела обстояли именно так.

В частности, раскопки обширного древнерусского поселения на Передольском погосте Шелонской пятины отчетливо показали, что расцвет его падает именно на период около середины X в., т. е. на время правления Ольги. На этом этапе рост Передольского поселения шел очень быстро, почти взрывообразно. Фактически за несколько десятилетий X в. застройка разрастается почти до 9 га (считая вместе территорию городища и посада). Наличие в слое арабских монет и изящных импортных вещей, остатков ремесленной деятельности, наконец — сама интенсивность накопления культурного слоя, долгое время сохранявшего характер типичного «мокрого слоя», насыщенного органикой, указывают на процесс формирования крупного волостного центра X в.

Оценить статус поселения в X–XI вв. помогают такие находки, как обломки княжеской геральдической подвески и золотого ювелирного изделия с эмалью, содержащего фрагмент крестообразной молитвенной монограммы. Последний предмет, скорее всего, представляет собой фрагмент перстня. Аналогии ему в Византии датируются

---

⁵⁶ *Левченко М.В.* Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в I половине X века // ВВ. 1953. Вып. 6. С. 21.

⁵⁷ *Греков Б.Д.* Киевская Русь // *Греков Б.Д.* Избранные труды. М., 1959. Т. 2. С. 111; *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // *Новосельцев А.П., Папуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 149.

VII–IX вв., хотя в древнерусский культурный слой вещь попала явно позднее, не ранее X в.⁵⁸. Изготовление геральдической подвески С.В. Белецкий датировал 988 г., связывая ее с Владимиром Святым⁵⁹. Эти находки могут служить указанием на то, под чьей эгидой шло развитие Передольского поселения на начальном этапе, в X–XI вв. Однако период расцвета оказался недолог. Упадок стал особенно заметен в XII в., когда изменился весь облик посада, заметно сократилась площадь его застройки и, соответственно, население. Исчезло высококвалифицированное местное ремесло и дорогие импортные вещи. Обширный торгово-ремесленный центр, маркировавший собой начало Лужского (водного и «горного») пути из центра Новгородских земель к Финскому заливу, сменяется селом, в 4–5 раз меньшим по площади⁶⁰.

Бурный расцвет Передольского погоста в период княжения Ольги может служить косвенным подтверждением ее активной деятельности в Полужье. А вот упадок его, видимо, стал следствием политических событий в Новгороде XII в. Тогда там пошло открытое «наступление» на княжеские права и привилегии. Первое законодательное оформление эти меры получают при изгнании Всеволода Мстиславича в 1136 г. Но в реальности противостояние князя и Новгорода в указанном вопросе, конечно, началось раньше.

Ростки его могли иметь место еще в конце XI в., когда многолетнее, бессменное княжение Мстислава Владимировича — блестящего военачальника и умного правителя — стало для Северной Руси дополнительным фактором стабильности. Вероятно, оно усилило Новгород даже более, чем хотелось самому князю, наследовавшему после смерти Мономаха киевский стол. Рассмотренное под таким углом зрения, включение в киевскую летопись рассказа об Ольгином «устроении» получает иное освещение. То была *письменная фиксация «старины», лежавшей в основе княжеских владельческих притязаний на земли по Мсте и Луге, особенно актуальная в начале XII в. в виду растущих амбиций новгородского боярства*. Рискну предположить: именно по-

⁵⁸Клева А.В., Платонова Н.И. Золотое ювелирное изделие из Передольского погоста // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. Докл. междунар. российско-литовского семинара. Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г. СПб., 2009. 89–93.

⁵⁹Белецкий С.В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004. С. 247, 256, 314.

⁶⁰Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте; Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости; Она же. Передольский погост в системе административного управления Новгородской земли // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009.

этому память об уставах княгини не только не исчезла, но даже попала в киевский летописный свод.

3.1.3. Рассказ ПВЛ о мятеже 1071 г. и проблема погостов. Перейдем к другому летописному упоминанию о погостах, связанному уже с событиями второй половины XI в. Это сообщение помещено в ПВЛ под 1071 г. и читается в контексте рассказа о мятеже волхвов в Верхневолжье и Белозерском крае:

«В лето 6579 (1071)... Бывши бо единою скудости в Ростовстей области, встаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко „Ве свеве, кто обилье держить“. И пойдоста по Волзе; **кде приидуча в погость, ту же нарекаста лучшие жены**, глаголюща, яко „Си жито держить, а си медь, а си рыбы, а си скору“. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя... и убивашета многы жены, и имень их отгымашета себе. И придоста на Белоозеро, и бе у нею людей инех 300. В се же время **приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатины**; поведаша ему белозерци, яко два кудесника избилла уже многы жены **по Волъзе и по Шексне**... Янь же, **вшед в град к белозерцем**, рече имъ: „Аще не имеете волхву сею, не иду от вас и за лето“. Белозерци же, шедше, яша я и приведоша я к Яневи...». Далее следует рассказ о допросе волхвов, об их препирательстве с Янем Вышатичем, скором суде и расправе: «...Он же рече има: „Аще вас пушю, то зло ми будет от бога; аще ль вас погублю, то мзда ми будет“. И рече Янь повозником: „**Ци кому вас кто родинь убьен от сею? Они же реша: „Мне мати, другому сестра, иному роженье**“. Онъ же рече имъ: „Мьстите своихъ“. Они же поимше, убиша я и повесиша я на дубе... (выделено мной. — Н.П.)»⁶¹.

Ценность приведенного рассказа состоит в близости, почти синхронности описываемых событий моменту их первичной записи. Уже давно было замечено, что с 1061 г. в ПВЛ «сплошным потоком [идут] записи с дневными датами, тогда, как до этого дневных дат почти нет...»⁶². Появление точных дат свидетельствует о начале фиксации событий по горячим следам. Скорее всего, информация о мятеже волхвов была получена летописцем непосредственно от Яня Вышатича, которого некоторые ученые считают боярином, «державшим киевскую тысячу» при Изяславе Ярославиче⁶³. Упоминание погостов является

⁶¹ Повесть временных лет. С. 188, 190.

⁶² *Алешковский М.Х.* Повесть Временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 55.

⁶³ *Приселков М.Д.* Киевское государство во второй половине X века по византийским источ-

здесь случайным, попутным, но от того не менее ценным. Речь идет о хорошо известных реалиях, современных рассказчику.

Из контекста ясно, что волхвы, идя к Белоозеру, миновали целый ряд погостов по Волге и Шексне. Само Белоозеро — это не погост, а город; погосты же — более мелкие пункты на Волжско-Шекснинском пути. Рассказ об убийствах женщин проливает неожиданный свет на некоторые их функции.

Волхвы убивают «лучших», причем исключительно женщин, обвиняя их в ворожбе, вызвавшей голод. Родичи этих женщин — мужчины, которых, по логике, следует отнести к категории «лучших мужей», остаются в живых. Через некоторое время они оказываются в свите Яня Вышатича, в числе его «повозников». «Везти повоз» в Древней Руси означало транспортную повинность⁶⁴. Вероятно, к Яню собрались представители тех погостов, что тянули данью к Белоозеру.

Следует особо подчеркнуть, что сам Янь не выезжал из города. Лишь однажды он сделал собственную попытку захватить волхвов, окончившуюся неудачей. Он не собирал специально людей, готовых совершить кровную месть над волхвами. Случайно ли они оказались у него под рукой? Скорее всего, нет. Видимо, «лучшие мужи» здешних погостов были обязаны везти повоз княжескому данщику, который лично не объезжал округу, а «кормился» в Белоозере, наблюдая за подвозом туда дани. Если так, то и сбор ее на местах осуществлялся не им непосредственно, а теми самыми «лучшими мужами». Не удивительно, что события голодного года обернулись против данной прослойки населения, хотя сами по себе убийства носили явно сакральный характер. Это была расправа над злыми колдуньями⁶⁵.

Приведенное летописное сообщение неоднократно рассматривалось учеными с точки зрения истории права, классовой структуры общества, борьбы язычества и христианства на Руси и т. п.⁶⁶ Однако заложенная в источнике информация о порядке сбора дани *по погостам* чаще всего оставалась в тени. Ближе всех к пониманию адми-

---

никам // Уч. зап. Ленинград. гос. ун-та. Сер. историч. наук. 1941. Вып. 8. С. 215–246. С. 18–19; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 62–64.

⁶⁴ Рыбаков Б.А. Смерды. С. 48.

⁶⁵ Мартынов М.Н. Восстание смердов на Волге и Шексне во II половине XI в. // Уч. зап. Вологод. пединститута. 1948. Т. 4. С. 13–36; Фроянов И.Я. Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. // Духовная культура славянских народов. Л., 1983. С. 19–38.

⁶⁶ Дубов И.В. Северо-Восточная Русь XI в. и события 1024 и 1074 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. С. 28–33; Брайчевский М.Ю. Движения волхвов в Северо-Восточной Руси в XI в. // Там же. С. 48–61; Фроянов И.Я. Народные волнения в Новгороде в 70-х гг. XI в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9. 1985. С. 61–71.

нистративного уклада Белоозерья в XI в. подошли М.Д. Приселков и М.Н. Мартынов, прямо назвавшие «повозников» сборщиками дани⁶⁷.

Деятельность Яня Вышатича на Белоозере анализировалась в исторической литературе и с точки зрения установлений «Покона вирного». При этом констатировалось: все его действия с начала до конца представляют собой сплошное нарушение норм, зафиксированных в указанном разделе Русской Правды⁶⁸. Однако регламентация деятельности вирника, взимающего *штрафы* (виры и продажи) по месту жительства людей, ответственных за преступление, не может иметь прямого отношения к порядку сбора *дани*. Требования к вирнику — ехать сам-два с отроком и не задерживаться в месте назначения более недели⁶⁹ — звучат бессмыслицей по отношению к Яню Вышатичу, проделавшему путь из Чернигова на Белоозеро, дабы проследить там за сбором и транспортировкой дани со всего края. Видимо, различия в формах взимания вир и даней носили в XI в. принципиальный характер. В отличие от сбора штрафов (вир), осуществлявшегося непосредственно княжескими людьми, дань собиралась на базе погостской организации местных жителей. Этот процесс лишь контролировался приезжими княжескими представителями. Шекнинские и волжские погосты, упомянутые в ПВЛ под 1071 г., представляли собой несомненные территориальные центры. Ответственной за сбор дани являлась верхушка населения, проживавшего в округе («лучшие»).

3.2. Известия о погостах в источниках XII в.

Тремя свидетельствами, приведенными выше, по сути, исчерпываются сведения письменных источников о погостах X–XI вв. как в Северной Руси, так и в Южной. Для первой четверти XII в. мы располагаем лишь отрывочными летописными упоминаниями погостов, в связи с военными столкновениями.

3.2.1. Летописные известия начала XII в. о погостах. В Ипатьевской летописи под 6624 (1116) г. сохранилось упоминание о походе князя Мстислава Владимировича «с новгородцы и псковичи»

⁶⁷ Приселков М.Д. Киевское государство. С. 238; Мартынов М.Н. Восстание смердов. С. 4, 31.

⁶⁸ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 158.

⁶⁹ ПРП. Вып. 1. С. 80.

на чудь в район Медвежьей Головы (Отепя). В этом походе ратники «**погост бещисла възша, и възвратишася въсвои с многом пол[о]ном (выделено мной. — Н.П.)**»⁷⁰. Лаконичность данного известия не мешает сделать важный вывод: в восприятии людей начала XII века, от которых исходили сведения об этом походе, некие реалии, встреченные в землях эстонской чуди, оказались созвучны знакомому понятию «погост».

Что же подразумевалось под ним в данном случае? — Вряд ли рядовое поселение, для обозначения которого в русском языке широко применялся термин «село». Возможно, погостами назывались крупные (укрепленные?) поселки, выделявшиеся на фоне окружающих (городища?). Такое толкование, на мой взгляд, вполне правомерно, хотя в данном контексте «погост» можно понимать и как гнездо поселений, отчетливо отделенное от остальных полосой незаселенных земель. Если так, то древнерусский погост вполне сопоставим с эстонским «кихелькондом» — «основным территориальным объединением у эстонцев XII–XIII вв.» — который, по определению Х. Моора и Х. Лиги, состоял из нескольких сельских общин, территориально сплоченных и отделенных от соседних незаселенной полосой лесов и болот⁷¹.

Другое летописное известие начала XII в. о погостах приурочено к 6615 (1107) г. В Типографской летописи под этим годом говорится: «...приидоша Болгаре ратью на Соуждалъ и обьстоупиша градъ и много зла сътвориша, **воююща села и погосты** и оубивающе многих отъ крестьян. Сущие же людие въ граде не могуче противу ихъ стати, не соущю князю оу нихъ... (выделено мной. — Н.П.)»⁷².

Это известие является вполне достоверным, т. к. отсутствие князя (Вячеслава Владимировича) в Ростовской земле, действительно, имело место в 1107 г. в связи с его участием в походе на половцев⁷³. Вероятно, в летопись данное сообщение попало не раньше 1130-х гг.⁷⁴ А.Н. Насонов считал, что ростовские события Типографской летописи восходят к записям клира Успенского собора в Ростове, которые велись во второй половине XII — начале XIII в.⁷⁵

Таким образом, беглое упоминание погостов в летописи под 1107 г. отражает представления XII в. о составе сельской округи Суздаля. С

⁷⁰ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. Стб. 7.

⁷¹Моора Х., Лиги Х. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. (к вопросу о возникновении феодальных отношений). Таллин, 1969.

⁷²ПСРЛ. Л., 1921. Т. 24: Типографская летопись. С. 73.

⁷³Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XIII века. М., 1969. С. 119–123.

⁷⁴Кучкин А.В. Формирование. С. 71.

⁷⁵Насонов А.Н. История. С. 122.

учетом рассмотренного выше известия о Яне Вышатиче, упоминавшего погосты по Волге как нечто само собой разумеющееся, следует заключить: подобная ситуация сложилась значительно ранее.

Впрочем, из указанного известия можно сделать довольно ограниченные выводы. Села и погосты упоминаются здесь как населенные пункты, подвергающиеся грабежу. Ни тени другого значения понятия — как округа — не ощущается. Возможно, для описания ущерба, причиненного болгарским набегом, эта сторона дела была безразлична. Упоминание о погостах, наряду с селами, как о главных объектах грабежа, свидетельствует, по-видимому, о многочисленности поселений данного типа в округе Суздаля XII в.

Оба приведенных кратких известия должны рассматриваться в едином комплексе с источниками второй четверти XII в., содержащими целый ряд важных известий о погостах на Руси. Важнейшим из них является Уставная грамота Ростислава Мстиславича Смоленской епископии⁷⁶.

3.2.2. Погосты в уставе кн. Ростислава Мстиславича. Указанная грамота была дана Ростиславом в 1136 г., при поставлении в Смоленск первого епископа. В ней скрупулезно перечислены все источники княжеского дохода, с которых должна следовать церковная десятина. Перечень волостей с указанием норм их обложения, охватывает основное ядро смоленских земель⁷⁷. Разумеется, здесь указаны не все доходные статьи княжеского бюджета. Характерно, что почти все дани приведены в денежном выражении. Лишь в конце перечня особо указаны два натуральных платежа рыбой от Торопца и Жижеца. Однако, помимо того, и Торопец, и Жижец вносят свою дань в гривнах, а упомянутые натуральные платежи не имеют в грамоте точного денежного выражения («от всех рыб, иже идет ко мне, десятину»). Таким образом, вряд ли можно полагать, что начисление платежей в гривнах преследовало целью лишь их количественное определение, в то время как в реальности дани взимались натурой. Вероятно, перечисленные в грамоте волости действительно уплачивали свои доли деньгами (в мехах или серебре)⁷⁸.

---

⁷⁶ДКУ. С. 140–146.

⁷⁷Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 43–63; Щанов Я.Н. Княжеские уставы. 137–147.

⁷⁸Обращают внимание высокие нормы обложения: Вержавляне Великие — 1000 гривен в год, Торопец — 400 гривен, Врочницы, Хотшин. Жабачев, Воторовичи — по 200 гривен и т. д. Подобные денежные расценки, на мой взгляд, указывают на высокую продуктивность крестьянского хозяйства, явно имевшего устойчивый рынок сбыта. Приведенные цифры мо-

Следовательно, церковная десятина в Смоленске отчислялась не со всех княжеских поступлений, а, в первую очередь, с денежных. Можно заключить, что значительная часть натуральных платежей, несомненно, следуемых князю, не делилась им с церковью. Но и относительно денежных даней оговорено: «...кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья». Вероятно, именно полюдье, как старинный, архаичный вид сбора, доставляло князю основную часть его «корма» натурой, хотя и здесь могли иметь место денежные поступления («на Копысе полюдья четыре гривны»). Весьма правдоподобно предположение Я.Н. Щапова, что система этого сбора имела свои особенности, затруднявшие раздел ее с церковью⁷⁹. Что же касается доли с княжеских вир и продаж, то ее отсутствие следует считать привилегией смоленского князя. Так, например, в Новгороде до появления Устава Святослава Ольговича (1137 г.) десятина от княжеских вир и продаж отчислялась от общего фактического объема ежегодных поступлений (см. ниже).

Стоит особо остановиться на характере употребления понятия «дани» в грамоте Ростислава. С одной стороны, так устойчиво именуется один из видов сбора, доставляющий князю львиную долю его денежных доходов. С другой стороны, наблюдается тенденция к широкому толкованию указанного термина: «...от всех даней смоленских, кроме продажи, и кроме виры...» и т. п. Получается, что, не будь этой оговорки, понятие «всех даней смоленских» могло бы включить и виру, и продажу, и полюдье — как оно включает, по-видимому, «гостиную дань», «передмер», «мыто», «перевоз», «торговое» и т. д. Возможно, это различие широкого и узкого значения понятия дани отражает постепенную его эволюцию в сознании древнерусского общества.

Термин «погосты» упомянут лишь в одном пункте устава, в самом начале длинного списка пожалований: «...у **Вержавлянех у Великих 9 погостъ, а в тех погостех платит кто же свою дань и передмерь истужници по силе, кто что мога. А в тех погостах, а некоторы погибнет, то тии десятины убудет. А в тех погостех во всех сходится дани осмь сот гривен, а передмера сто гривен, а на истужницах сто гривен, то ти ис того взятии епископу и святеи Богородици сто гривен**» (выделено мной. — *Н.П.*)⁸⁰.

гут служить контраргументом к известным тезисам А.Е. Преснякова и Н.А. Рожкова о том, что «глубины народного производства оставались нетронутыми внешней торговлей» и что «основная масса населения Древней Руси ничего не продавала, а отдавала даром» (*Пресняков А.Е. Княжеское право. С. 161–162; Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899*).

⁷⁹ Щапов Я.Н. Княжеские уставы С. 149.

⁸⁰ ДКУ. С. 141.

Статья о Вержавлянах — самая пространная в грамоте. Только здесь оговаривается, как возможный казус, убывание дани в случае «погибели» хозяйства. В этом случае князь снимает с себя ответственность за недостачу положенных 100 гривен. В ходе дальнейшего анализа статьи возникает целый ряд вопросов. Отчего только здесь указан порядок сбора дани по погостам, с каждого из которых следует около 100 гривен? Чем является область Вержавляне Великие по отношению к этим погостам? Есть ли различия в административном устройстве Вержавлян и прочих территорий, перечисленных в грамоте?

В ответе на последний вопрос большинство исследователей до сих пор были на редкость единодушны. Весь список податных территорий в грамоте чаще всего трактовался именно как список «погостов»⁸¹. В первом приближении такую трактовку можно считать верной, ибо в каждом пункте грамоты почти неизбежно присутствует один и тот же вид обложения — дань (в ее узком значении). Она же составляет 80 % от общей суммы сборов в вержавлянских погостах. Логично предположить, что один и тот же налог на территории одного княжества собирался по единой системе. Указание на характер этой системы и дает нам статья о Вержавлянах.

Но можно ли на таком основании утверждать, что каждая из упомянутых далее территорий представляла собой округу только одного погоста? Вероятно, нет. Более половины списка составляют волости с нормой обложения 10–40 гривен. Но фигурируют и более крупные суммы в 80–200 и даже 400 гривен. Предположение, что каждая из этих обширных, густонаселенных территорий, выплачивавших до 400 гривен в год, на деле тянула в *один погост*, кажется сомнительным (хотя для мелких волосток это вполне допустимо). Здесь мы вплотную подходим к проблеме дуализма погоста и волости в древнерусской административной системе, их одновременного тождества и различия.

Факт перечисления в грамоте Ростислава как бы на одном уровне целого ряда волостей, резко различавшихся по размерам, народонаселению, удельному весу в системе налогообложения и т. п., можно удовлетворительно объяснить лишь в одном случае. А именно — если мы допустим, что система территориального деления русских княжеств исходила из признания тех реально существовавших границ между отдельными волостями, которые складывались в ходе постепенного освоения земель и определялись целым комплексом как географических, так и социально-политических факторов⁸².

⁸¹ *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы. С. 149; *Алексеев Л.В.* Смоленская земля. С. 97–101.

⁸² Термин «волость» употребляется здесь условно, для обозначения исторически сложив-

Нормы обложения таких исторически сложившихся волостей, как уже было показано выше, колебались на Смоленщине весьма значительно — от 10 до 1000 гривен. Крупная и густонаселенная волость, сохраняя традиционное единство, в податном отношении могла делиться на ряд погостов. При этом стоит отметить: к примеру, в пункте о Вержавлянах названа общая сумма в 1000 гривен, собираемая во всех погостах. А вот точных указаний на нормы сбора в каждом погосте грамота не содержит. Таким образом, как бы ни делилась волость, она рассматривалась княжеской администрацией как единое целое в податном отношении.

Чем же тогда обусловлено упоминание о девяти погостах в Вержавлянах Великих и какова его смысловая нагрузка? Наиболее вероятный ответ я вижу в следующем: согласно данным Л.В. Алексеева, Вержавляне Великие, скорее всего, представляли собой *совсем не компактную область*⁸³. Связи ее населения, скорее всего, были обусловлены общностью исходного центра, откуда шла внутренняя колонизация земель. На это указывает и само название области, применимое, скорее, к населению ее — «Вержавляне». Возможно, именно недостаточная территориальная целостность волости и вероятность обособления в дальнейшем отдельных ее частей и заставили составителя грамоты специально оговорить, что сумма в 1000 гривен исчислена для всех девяти вержавлянских погостов.

Подводя итоги рассмотрению грамоты Ростислава Мстиславича с точки зрения содержащейся в ней информации о погостах, отметим следующее: податные территории Смоленщины упорно называются там лишь собственными именами, без указания их статуса. Наиболее правдоподобным выглядит предположение, что все они представляли собой исторически сложившиеся округа-волости, причем наиболее мелкие, по-видимому, тянули в один погост, а крупные — в несколько. Тем не менее и те волости, которые контролировались одним погостом, в обиходе не назывались «погостами» (в значении округов), а продолжали носить свои исторические названия. «Погостами» могли в отдельных случаях называться более мелкие территориально-податные единицы в пределах крупной волости. Чтобы проверить это предположение, обратимся к материалам новгородских уставных и жалованных грамот второй четверти XII в.

шихся мелких территориальных округов, выступающих в источниках под собственными именами. Они имеют мало общего с позднейшими владельческими и кормленными волостями.

⁸³ *Алексеев Л.В.* Смоленская земля. С. 57.

3.2.3. Княжеские жалованные грамоты второй четверти XII в. и проблема погостов. Эти грамоты представляют собой уникальный комплекс документов, настолько близких хронологически, что каждая из них значительно дополняет и корректирует другие. Чрезвычайно интересна формула пожалования, содержащаяся в древнейшем из этих документов — жалованной грамоте князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю в Новгороде (1130 г.): «Се азъ Мъстислав Володимирь сын, държа Руську землю в свое княжене, повелель есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице святому Георгиеви съ данию, и съ вирами и съ продажами, и вено во[...]кое. Да же который князь по моем княжении почънет хотети отъяти у святаго Георгия, а Бог буди на том и святая Богородица, и ть святыи Георгии у него то отимаеть... А язъ даль рукою своею и осеннее полгодие даровьное, польтретиядесяте гривньъ святому же Георгиеви...»⁸⁴.

Здесь мы сталкиваемся с той же лаконичностью в определении предмета дарения, что и в перечне грамоты Ростислава. Исследователи давно пришли к заключению, что речь тут идет о волости с одноименным центром — селом Буйце, упомянутым в летописи под 1232 г. как один из самых южных пунктов на большой дороге «из Руси» (в данном случае — из Смоленской земли) в Новгород⁸⁵. К.А. Неволин первым локализовал эту волость в окрестностях небольшого оз. Буйцо, в верховьях р. Полы. В.Л. Янину удалось обосновать тезис о расположении здесь, на юге Новгородчины, значительного массива княжеских земель (домена), к которому изначально принадлежала и волость Буйце. По материалам Переписной оброчной книги Деревской пятины 1495 г., она насчитывала в XV в. 95 жилых и 10 пустых мелких деревень «с погостом»⁸⁶.

Точная локализация на местности и самого озера Буйцо, и населенных пунктов, указанных в составе данной волости, стала возможной лишь после детального историко-археологического исследования этой территории Е.Н. Носовым на рубеже 1980–1990-х гг. Лишь тогда появилась возможность предметно, с полным основанием судить и об ее границах, и об особенностях расположения.

«Со времени передачи волости Буйцы в 1130 г. Юрьеву монастырю и до 1495 г. она могла претерпеть некоторые изменения, однако...

---

⁸⁴ ГВНП. С. 140–141.

⁸⁵ Носов Е.Н. Новгородская волость Буйцы: историко-археологический комментарий // Новгород и Новгородская земля. 1990. Вып. 3. С. 110.

⁸⁶ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 240.

основная конфигурация ее территории осталась прежней. Центр волости Буйцы с церковью Покрова Богородицы на погосте находился на одноименном озере изначально, поскольку название последнего дало название и селению на его берегу, и всей тянущей к нему территории... Археологические материалы говорят об освоенности берегов оз. Буйцо и его ближайших окрестностей в древнерусское время»⁸⁷.

Главной особенностью данной территории было ее расположение на важнейшем торговом пути, который связывал Северную Русь с Южной. Этот участок пути являлся одним из ключевых в случае военного конфликта. Население Буйца, безусловно, занималось, в числе прочего, обслуживанием торгового пути, взимая в пользу господина доход с пошлин и платежей при перевозке товаров по сухопутной дороге-волоку. Поэтому испорченное место грамоты — «вено во...кое» — Е.Н. Носов, вслед за И.И. Срезневским, расшифровывает, как «вено волочкое»⁸⁸. Представляется, что на данный момент такое чтение является наиболее обоснованным.

В перечне доходов с Буйца, которые князья передавали монастырю, встречается «дань» в узком значении и архаичное «полюдие даровное». Кроме того, монастырь получал право сбора уголовных штрафов за преступления, совершенные жителями данной волости. Последнее иногда трактуется в смысле предоставления монастырю полного судебного иммунитета в Буйце⁸⁹. Такое заключение преждевременно. Главным доказательством самого существования подобного иммунитета в Новгородской земле служит Новгородская судная грамота (НСГ)⁹⁰. Однако именно этот источник, сформировавшийся в условиях уже развитого феодализма, рисует нам судебный иммунитет в чрезвычайно урезанном виде. Так, в случае воровства, грабежа, разбоя, поджога, убийства вотчинный приказчик обязан был в установленные сроки доставить обвиняемого в Новгород на суд посадника⁹¹. Предположение Л.В. Даниловой, что, возможно, в более ранний период правами суда по этим преступлениям обладал сам вотчинник, построено исключительно на свидетельстве рассматриваемой нами грамоты Мстислава и Всеволода. Однако право получения судебных пошлин еще не равнозначно праву судопроизводства⁹². Более

⁸⁷ Носов Е.Н. Новгородская волость. С. 111.

⁸⁸ Там же. С. 113.

⁸⁹ Янин В.Л. Очерки. С. 241–242.

⁹⁰ Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 55.

⁹¹ ПРП. Вып. 1. С. 217.

⁹² В данном случае речь не идет о компетенции церковного суда. Уставы XI–XII вв. недву-

того, можно предположить, что даже налоговый иммунитет Юрьева монастыря над Буйце был далеко не полным. В XV в. эта волость упоминается в источниках в связи с обложением *черной куной*, причем жители названы «чернокунцами»⁹³. На мой взгляд, А.Л. Шапиро был прав, трактуя Буйце XII в., как кормленую волость, лишь постепенно перешедшую фактически в полное владение Юрьева монастыря⁹⁴.

Вторая жалованная грамота князя Всеволода Мстиславича, датированная 1134 г., говорит о передаче Юрьеву монастырю еще одного небольшого округа в Деревской пятине: «Се аз князь великий Всеволод дал есмь святому Георгию **Терпужьский погост Ляховичи с землею и с людьми, и с коньми**, и ловища на Ловати... А то дал есмь святому Георгию во веки...»⁹⁵.

В литературе ранее высказывалось предположение о соответствии Ляховичей грамоты Всеволода десятку Ляховичи в волости Велиля⁹⁶. Первая серьезная попытка историко-географического анализа памятника принадлежит В.Л. Янину. Ему удалось показать, что, в действительности, Ляховичи княжеского пожалования локализируются в Курском присуде Деревской пятины, на р. Ловать. Границы округа Янин реконструировал по материалам переписной оброчной книги Деревской пятины 1495 г., где описана «волость Юрьева монастыря» в Черенчицком погосте. Общая протяженность этой волости с севера на юг составляла, по его подсчетам, около 40 км, с запада на восток — около 20 км. В ее пределах В.Л. Янин и локализовал большую часть топонимов грамоты Всеволода⁹⁷.

Некоторое недоумение вызвало у исследователя название округа, пожалованного Юрьеву монастырю — «Терпужский погост Ляховичи». Но этому можно найти вполне логичное объяснение — если рассуждать по аналогии с девятью Вержавлянскими погостами грамоты Ростислава. Безусловно, каждый из них мог иметь и собственное название. Однако ключевым моментом являлась его принадлежность к волости Вержавляне Великие. Поскольку в грамоте Ростислава фигурирует вся эта волость в целом, названия отдельных погостов не при-

смысленно очерчивают круг дел, подлежащих такому суду, и круг лиц, относительно которых церковь пользовалась правом полного иммунитета (служители клира, «пущенники», «прощенники», изгой). Население Буйца вряд ли принадлежало указанным категориям — тем более, целиком.

⁹³ ГВНП. С. 131.

⁹⁴ Шапиро А.Л., Абрамович Г.В., Осминский Т.И. и др. Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1976. С. 57, 68.

⁹⁵ Янин В.Л. Очерки. С. 77; Он же. Новгородская феодальная вотчина. С. 231.

⁹⁶ Шапиро А.Л., Абрамович Г.В., Осминский Т.И. и др. Аграрная история. С. 68.

⁹⁷ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 231–239.

водятся. Грамота Всеволода, напротив, говорит о пожаловании только одного погоста Ляховичи. При этом в его названии оговаривается принадлежность его к Терпужской волости.

Уже В.Л. Яниным было отмечено, что на Ловати в 18 км выше Ляховичей находится дер. *Теребыни*⁹⁸. Весьма вероятно, что в данном топониме, действительно, отразилось старинное волостное название прилегающей территории. Это подтверждается данными археологического обследования, согласно которым именно в районе дд. Теребыни, Залучье и Середка находился эпицентр крупного среднеловатского скопления сопок (15 насыпей)⁹⁹. В окрестностях дер. Теребыни расположено средневековое укрепленное поселение — Курское городище¹⁰⁰. Исследования Е.Н. Носова выявили при сопках в Теребынях обширное селище, продолжавшее существовать в древнерусское время, а также жальник с захоронениями XI–XV вв. Поэтому автор без колебаний поместил именно там административный центр волости X–XII вв. (Теребужской, Терпужской)¹⁰¹.

Целенаправленное комплексное обследование показало, что участок побережья Ловати в районе Ляховичей сложен тяжелыми глинами, непригодными для освоения в эпоху раннего Средневековья. В этом состоит его важнейшее отличие от южной части очерченной В.Л. Яниным волости, где имеются значительные скопления сопки, приуроченные к массивам плодородных земель, легких для обработки. Последнее обстоятельство позволило В.Л. Янину охарактеризовать территорию Ляховичей в целом как земледельческую область, богатую пахотными и сенокосными угодьями¹⁰². Однако локализация ее административного центра на окраине, в глухой, безлюдной местности с густыми лесами и обширными верховыми болотами явно противоречит этому утверждению.

Пересмотр данных о границах погоста XII в., произведенный Е.Н. Носовым, убедительно показал, что прежнее мнение о соответствии его рубежей границам волости Юрьева монастыря конца XV в. базировалось на целом ряде допущений, далеко не всегда оправданных. В действительности, территория, описанная в грамоте Всеволода, была значительно меньше и охватывала только северную часть

---

⁹⁸ Там же. С. 236.

⁹⁹ Носов Е.Н. Грамота Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (историко-археологический комментарий) // Новгород и Новгородская земля. Л., 1988. Вып. 1. С. 79–81.

¹⁰⁰ Арциховский А.В. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле // СА. 1936. № 1. С. 187–190.

¹⁰¹ Носов Е.Н. Грамота Всеволода Мстиславича. С. 99.

¹⁰² Янин В.Л.. Новгородская феодальная вотчина. С. 239.

позднейшего монастырского владения. В XII в. она являлась еще очень мало заселенной. Сам пункт Ляховичи представлял собой, по видимому, сравнительно небольшой поселок, где жили княжеские люди и содержались кони. Его округа характеризуется полным отсутствием каких бы то ни было памятников эпохи раннего Средневековья. Здесь нет поселений с хорошо выраженным культурным слоем, нет и могильников, датируемых ранее XIII–XIV вв. Известия о четырех местонахождениях сопок на данной территории¹⁰³ оказались ошибочными¹⁰⁴.

Аргументы, выдвинутые М.Б. Свердловым против данной точки зрения, имеют в основе чисто умозрительную конструкцию. Согласно ей, «погостная система» являлась «государственной организацией лично свободного сельского населения в Новгородской земле». Следовательно, погост уже по определению не мог оказаться «небольшим селением холопов, которые пасли княжеских коней»¹⁰⁵. Здесь, на мой взгляд, имеет место явная (и очень распространенная) ошибка в самой процедуре исследования. Материал, недостаточно проанализированный на источниковедческом уровне, оказывается основой далеко идущих исторических реконструкций. Затем эти реконструкции рикошетом возвращаются, становясь аргументами против выявления ошибок, против нового анализа источников, на которых они построены.

Следует подчеркнуть: трактовка, предложенная Е.Н. Носовым, всецело основана на новых фактах — археологических и историко-географических. Никакие общие соображения опровергнуть их не могут. А вот конкретные возражения М.Б. Свердлова, касающиеся топонимики и реконструкции границ волости Ляховичи, были автором детально разобраны и аргументированно отведены¹⁰⁶. Сейчас можно считать доказанным, что «княжеское владение Ляховичи образовалось на основе „заимки“ князем небольшого, глухого, земледельчески не освоенного участка вдоль сухопутной дороги от р. Ловати к р. Поле. На самой же Ловати было основано селение, контролировавшее дорогу и заселенное холопами. На обширной пойме Ловати располагались

---

¹⁰³ Романцев И.С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 69–70; Седов В.В. Новгородские сопки. САИ. Вып. Е1–8. М., 1970. С. 36.

¹⁰⁴ Носов Е.Н. Грамота Всеволода Мстиславича. С. 79–81.

¹⁰⁵ Свердлов М.Б. К изучению грамоты Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // НИС. 1993. Вып. 4 (14). С. 42.

¹⁰⁶ Носов Е.Н. Еще раз о грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Санкт-Петербург; Псков, 1997. Т. II. С. 98–99.

удобные выпасы для княжеских коней, на Ловати были рыбные ловища, а в лесах находились охотничьи и бортные угодья»¹⁰⁷.

Особая ценность данного княжеского пожалования заключалась в том, что именно по этому участку территории пролегал кратчайший зимний путь из Новгорода и Руссы на р. Полу и далее к Торопцу, Смоленску и Киеву¹⁰⁸. Таким образом, Ляховичи изначально представляли собой княжескую заставу в начале зимника, контролировавшую этот важнейший путь. Передача его монастырю означала, по-видимому, передачу прав на последующее освоение округа, а также на доходы, связанные с выгодным географическим положением данного пункта.

Таким образом, грамота Всеволода фактически дает нам совершенно иное представление о «погостах» по сравнению с известиями, помещенными в ПВЛ (1071 г.), в Типографской летописи (1107 г.) и т. д. Летописные тексты, уже рассмотренные нами выше, рисуют погосты как поселения, центры волостей, расположенных в сравнительно густо заселенной зоне. Здесь же перед нами лесная княжеская заимка на дальней окраине старинной земледельческой волости. Данный погостский центр обнаруживает значительную специфику по сравнению, к примеру, с более ранним центром в Теребных. В грамоте Всеволода впервые рельефно (хотя еще неотчетливо) выступает двойственность понятия погоста. Здесь это и поселение, и небольшой участок территории, впрочем, еще совершенно не освоенной.

Стоит отметить и другое: Ляховичи, единственный новгородский погост XII в., о котором мы имеем почти исчерпывающие сведения, *не доживает в таком качестве до эпохи писцовых книг*. В XV в. его территория числится уже в более обширном Черенчицком погосте, а сама деревня Ляховичи теряет всякое административное значение. Даже название погоста оказывается прочно забыто: в писцовых книгах он описан просто как «волость Юрьева монастыря»¹⁰⁹.

Третий новгородский документ, важный для нашей темы, — жалованная грамота кн. Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю (1134 г.): «Се аз, князь великий Изяслав Мъстиславич, по благословению епискупа Нифонта, испрошал есмь у Новагорода святому Пантелемону землю село Витославлицы и смерды, и поля Ушкого и

---

¹⁰⁷ Там же. С. 97.

¹⁰⁸ Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии. 1950. Т. 20. С. 299.

¹⁰⁹ Новгородские писцовые книги. СПб., 1862. Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины. С. 617–621.

до Прости... И устроил святому Пантелемону монастырь и посадил есми в нем игумена Аркадия. А боле в тую землю, ни в пожни, ни в тони не вступатися ни князю, ни епискупу, ни болярину, ни кому. А хто ловит рыбу, доложа игумена. А смердам витославцам не потянути им ни ко князю, ни к епископу, ни в гороцкии потуги, ни к смердам ни в какие потуги, ни иною вивирицою, а потянути им ко святому Пантелемону в монастырь к игумену и к братьи. А хто почнет вступатися в тую землю, и в воду, и в пожни, или князь, или епискуп, иди кто имет силу деяти, и он во второе пришествие станет тяжатися со святым Пантелемоном»¹¹⁰.

Особенностью пожалования Изяслава Мстиславича является то, что в 1134 г. он был не князем Новгорода, а лишь его союзником. Поэтому ему и пришлось «испрашивать у Новагорода» землю для устройства монастыря¹¹¹. Для нас в данный момент особенный интерес представляет фраза, содержащая отрицательные формулы налогового иммунитета монастыря над смердами. Фраза эта, введенная в научный оборот благодаря находке В.И. Корецкого, бросает новый свет на порядок сбора дани в Новгородской земле XII в.

Грамота санкционирует такую же полную передачу всех прав на землю и повинности населения, что и рассмотренная выше грамота на погост Ляховичи. Однако в данном случае нет оснований предполагать, что дар был совершен из личного земельного фонда князя, в то время как для Буйца и Ляховичей такие предположения делались неоднократно¹¹². Таким образом, «Новгород», представленный князем совместно с вечем, имел право распоряжаться земельной собственностью смердов и, по сути, диктовать им, кому они обязаны своими повинностями.

Ряд формул отрицательного типа в грамоте Изяслава до некоторой степени проливает свет на правовое положение витославлицких смердов до совершения пожалования. Требование «не потянути ни ко князю, ни ко епискупу» указывает на князя и епископа, как на главных получателей дани. По-видимому, они и являлись таковыми прежде, ибо епископ, конечно, получал свою десятину от витославлицких податей. Далее в тексте следует указание на городские и сельские (смердби) потуги.

---

¹¹⁰ *Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5. С. 204–205.

¹¹¹ *Янин В.Л.* Очерки. С. 77.

¹¹² *Шапиро А.Л., Абрамович Г.В., Осъминский Т.И. и др.* Аграрная история. С. 67; *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 242; *Носов Е.Н.* Еще раз о грамоте Всеволода Мстиславича.

Следует отвергнуть возможную трактовку «городских потугов», как особой, отдельной от князя новгородской городской организации, взимавшей дань с окрестных смердов. В противном случае нам придется признать наличие такой же параллельной организации смердов, получавших дань с других смердов («...не потянути... ни в гороцкие потуги, ни к смердом ни в какие потуги...»). Эти последние можно истолковать как повинности населения, над которыми осуществляла контроль местная территориальная организация — волость или погост. Сложение их со смердов представляло собой полный разрыв всех прежних социальных связей жителей Витославиц с прилегающей округой.

В чем могли состоять общественные обязанности витославицкого крестьянства, которые, с одной стороны, определялись, как «потуги», а с другой — контролировались организацией самих смердов? Видимо, их существование связывалось с наличием таких форм налогообложения, при которых основные труды по сбору и транспортировке (повозу) дани ложились на само местное население. Ее наиболее элементарным звеном являлся погост-округ, в отдельных случаях совпадавший с границами небольшой волости. В связи с этим уместно вспомнить о взаимозаменяемости таких понятий как «погост» и «потуг» и в позднейших новгородско-княжеских докончаниях («а кто смерд, пойдет в свои погост», «а смерд потягнет в свои потуг»)¹¹³.

3.2.4. Погосты в Уставной грамоте кн. Святослава Ольговича. Другим новгородским документом, важным для нашего исследования, является Уставная грамота кн. Святослава Ольговича 1137 г.¹¹⁴ Появление ее преследовало цель упорядочения системы отчисления епископской десятины от княжеских судебных доходов (вир и продаж). Как уже подчеркивалось выше, смоленская грамота, составленная за год до новгородской, не предусматривала таких отчислений вовсе, утверждая лишь право епископа на доходы церковных судов. В отличие от смоленской, новгородская епископия, по-видимому, заявляла права на десятину не только от даней, но и от княжеских вир и продаж. Прецедентом тут, скорее всего, являлась передача «десятой векши от всякого княжа суда» Десятинной церкви в Киеве, нашедшая отражение в Уставе Владимира¹¹⁵. В Новгороде первой половины XII в. эта традиция закрепились, о чем свидетельствует и сама грамота:

¹¹³ГВНП. С. 13, 16, 20, 22, 28, 30, 36, 41, 48.

¹¹⁴ДКУ. С. 147–148.

¹¹⁵Там же. С. 18.

«Толико от вир и продаж десятины зърел, колико днии в руце княжий в клеть его...»¹¹⁶.

М.Н. Тихомировым было предложено читать слово «днии», написанное под титулом, как «дънии», т. е. «дней»: «Здесь, в Новгороде, я... столько от вир и продаж десятины видел, сколько дней в руке княжей и в его казну»¹¹⁷. К этой трактовке присоединился И.Я. Фроянов, сделавший вывод, что «размер десятины зависел от количества дней княжого суда, определенных Новгородом»¹¹⁸. Напротив, Я.Н. Щапов и В.Л. Янин придерживались более традиционного толкования слова «днии» как сокращенного «дании», считая, что «этот термин имеет здесь расширительное значение» и подразумевает именно поступления от вир и продаж¹¹⁹.

Мнение И.Я. Фроянова о невозможности взаимной замены таких понятий, как «дани» и «виры и продажи», действительно, кажется не вполне обоснованным. Оговорка, имевшаяся в грамоте Ростислава: «всех даней... кроме виры, и кроме продажи» и т. п., указывает, скорее, на противоположное. Но все же аргументация М.Н. Тихомирова и И.Я. Фроянова в пользу чтения «дънии» представляется в данном случае весьма основательной.

«Обращаясь к оригинальному тексту грамоты, — замечает И.Я. Фроянов, — находим, что слово „дани“ написано полностью, а „днии“ — под титулом, в Новгородской Синодальной летописи во всех случаях в термине „дань“ ни одна буква не опускается, зато при написании „день“, постоянно отсутствует вторая буква (ь), и слово везде стоит под титулом. В новгородских берестяных грамотах наблюдаются те же правила написания: „дань“ и „днь“»¹²⁰. Представляется, что отказ ведущих современных исследователей от трактовки М.Н. Тихомирова вызван не ошибкой его в переводе данного термина, который, скорее всего, правилен, а неудачей общего смыслового перевода и толкования фразы. На мой взгляд, ни о каком серьезном ограничении права княжеского суда в Новгороде в первой трети XII в., при Мстиславе и Всеволоде, речи еще не шло (а ведь Святослав Ольгович упо-

---

¹¹⁶ Там же. С. 143.

¹¹⁷ Тихомиров М.Н., Щепкина М.В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 19–20.

¹¹⁸ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экологической истории. Л., 1974. С. 83–84.

¹¹⁹ Щапов Я.Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство. С. 283–284; Щапов Я.Н. Княжеские уставы. С. 157; Янин В.Л. Очерки. С. 81.

¹²⁰ Фроянов И.Я. Киевская Русь. С. 83–84.

минает в этой фразе именно о порядке, сложившемся при его предшественниках). Кроме того, дележ доходов между князем и епископом по дням должен был автоматически исключить необходимость начисления десятины с пошлин, собираемых в княжеские дни. Законной долей епископа считались бы тогда доходы, полученные им в отведенные для него сроки. Точно так же новый порядок, введенный Святославом Ольговичем, предусматривавший компенсацию епископской десятины твердой суммой, ежегодно получаемой «из Онега», естественно, избавил князя от необходимости в дальнейшем высчитывать десятую часть от своих судебных пошлин.

Представляется, что М.Н. Тихомиров, правильно установивший значение термина «дни», был введен в заблуждение лаконичностью древнерусских юридических формулировок. Это отразилось и в его переводе: «...сколько дней в руке княжей и в его казну». В княжескую руку и казну шли, конечно, не дни, а виру и продажи. Соответственно, и смысловой перевод фразы должен быть: «Столько от вир и продаж десятины обнаружил, сколько дней в году они поступают в руку князя и в казну его». Сбор князем вир и продаж по волости не мог быть регулярным, поскольку их количество определялось статистикой уголовных преступлений. Более или менее постоянный характер могла носить только выплата вервью крупной виры в рассрочку, согласно ст. 4 Пространной Правды¹²¹. Однако, по-видимому, немало было и единовременных выплат. Следовательно, количество дней, в которые княжеские люди взимали судебные штрафы и пошлины, являлось каждый год разным. Данный словесный оборот был употреблен составителем грамоты, скорее всего, именно затем, чтобы подчеркнуть непостоянство, нерегулярность в поступлении указанного вида доходов, и, соответственно, выгодность замены ежегодной десятины твердой суммой, вычисленной в среднем. Таким образом, общее понимание данного отрывка Я.Н. Щаповым и В.Л. Яниным представляется мне верным. Суть его сводится к тому, что до появления грамоты Святослава размер судебной десятины в Новгороде не был точно фиксирован. Он «находился в зависимости от размеров дохода самого князя и изменялся вместе с ним»¹²².

Согласно новому уставу, епископ получил: «...за десятину от вир и продаж 100 гривен новых кун, иже выдает Домажиричъ из Онега». Далее оговаривается: «Аче не будет полна ста у Домажирича, а семь-

---

¹²¹ ПРП. Вып. 1. С. 109.

¹²² Янин В.Л. Очерки. С. 81.

десять выдать, а доплаток возьмешь 20 гривен у князя на клети. Урядил есмь аз святой Софии и написал Никола князь Новгородский Святослав: **в Онеге на Волдугове погосте два сорочка, на Тудорове погосте два сорочька, на Ивами погосте с даромь 3 сорочькы**, на Ракуле 3, на Спиркове два, у Вихтуя сорочек, а Пинеже 3, в Кегреле 3, устье Емыце два, устье Ваг два, у Пуите сорочек, у Чюдина подсорочька, у Лигуя с даромь два, у Вавдита с даромь два, у Вели два, у Векшензе два, на Борку сорочек, в Отмине сорочек, в Тоиме сорочек, у Поме польсорочья, у Тотьме сорочек, у Пененича сорочек, у Порогопустьць польсорочка, у Валдита два сорочка, на Волоце в Моши два, у Еми скоро, а на мори от чрена и от салгы по пузу, у Тудора сорочек...»¹²³. Этот текст чрезвычайно интересен с точки зрения возможностей реконструкции административно-территориальных структур на Новгородском Северо-Востоке во второй четверти XII в.

В настоящий момент мы не касаемся вопроса о сущности и значении приписок к Уставу о Бежецком и Обонежском ряде, сделанных не ранее второй половины XIII в.¹²⁴ Особый интерес для нас представляет именно тот порядок, что был конституирован Святославом Ольговичем в 1137 г.

Первоначальная локализация областей, упомянутых здесь, была осуществлена А.Н. Насоновым. Он считал «Онегу» тождественной территории Обонежского ряда (западному и южному Прионежью) и отделял ее от территории погостов, перечисленных ниже. Эти последние, по его данным, занимали пространства к востоку и северу от Онежского озера, в том числе в бассейнах Пинеги, Двины, Ваги и Сухоны. Таким образом, сборы с них являлись, по А.Н. Насонову, дополнением к основной сумме в 100 гривен новых кун, доставляемой с территории Обонежского ряда. Подтверждением своей мысли он видел в том, что именно в центре территории Обонежского ряда находилось с. Домажирово — пункт, представлявший собой, по его мнению, древнюю резиденцию «домажирича»¹²⁵.

Я.Н. Щапов, принимая историко-географические выкладки А.Н. Насонова, не был склонен, однако, видеть в «Онеге» территорию Обонежского ряда. Он с полным основанием отождествил ее с заонежскими владениями Великого Новгорода. Эти последние в XII в. делились, по его мнению, на две части — область древнейшей колонизации, включавшую бассейн Онежского озера до р. Онеги

---

¹²³ ДКУ. С. 148.

¹²⁴ Янин В.Л. Очерки.

¹²⁵ Насонов А.Н. «Русская земля». С. 54.

на востоке (будущая Заонежская часть Обонежской пятины), и территорию к северу от р. Онеги, находившуюся в стадии освоения (Заволочье). На первой из них в середине XII в. уже функционировала централизованная система сбора даней «княжеским чиновником-домажиричем». Погосты же Заволочья располагались на слабо освоенных новгородцами землях и представляли собой «систему ключевых пунктов, которая обеспечивала Новгороду господство над местным населением»¹²⁶.

Важным этапом в разработке проблемы явилась работа В.Л. Янина, доказавшего, что сумма, взимавшаяся в сорочках с погостов Прионежья и Заволочья, *тождественна сумме в 100 гривен новых кун, предназначенных для компенсации епископской судебной десятины*. Таким образом, именно оттуда поступали оборы, выдаваемые «домажиричем из Онега». Этот последний, по мнению В.Л. Янина, имел резиденцию в Онеге, «но управлял также и Заволочьем»¹²⁷. Данное наблюдение является платформой для наших дальнейших выводов.

Главный интерес представляет для нас проблема соотношения волости Онеги и пунктов обора дани, перечисленных в списке. В том, что здесь подразумевалась именно дань, а не судебные доходы, переданные епископу, вряд ли следует сомневаться. Во-первых, налицо неоднократное упоминание «дара», конечно, не представлявшего собой судебную пошлину. Во-вторых, четко определенный, стабильный размер ежегодных взносов с каждого погоста несопоставим с порядком взимания вир и продаж.

То, что ставки с погостов, указанные в грамоте, не могли исчерпывать собой общую сумму даней с этих территорий, было убедительно показано Я.Н. Щаповым¹²⁸. Но сформулированная им альтернатива кажется мне неправомерной. Исследователь видит лишь два возможных варианта истолкования текста. Первое: князь передает епископу *всю* дань с погостов. Такое решение вполне обоснованно оказалось им отвергнуто. Второе: епископии идет десятина от даней, и цифры, определенные в грамоте, «показывают десятую часть даней, собираемых с погостов». К этому варианту и склонился Я.Н. Щапов. Но почему? Где мы имеем указание, что компенсация Новгородской епископии за утрату судебной десятины, возложенная на перечисленные погосты, должна была непременно составлять десятую часть их общего сбора? Почему не двадцатую, не треть? Ведь общая сумма в 100 гривен

¹²⁶ Щапов Я.Н. Княжеские уставы. С. 158–160.

¹²⁷ Янин В.Л. Очерки. С. 85–86.

¹²⁸ Щапов Я.Н. Княжеские уставы. С. 160–161.

новых кун была вычислена составителем Устава по другим источникам и лишь затем «распределена» по указанным пунктам. Процент, который она составила здесь от общей суммы дохода, в грамоте не оговорен. Что же касается десятины с даней, то она, безусловно, следовала епископу с этой территории, *помимо всех установлений о судебной десятине*, и вообще не являлась объектом рассмотрения в уставе Святослава.

Отчисление в пользу церкви указанной суммы, призванной компенсировать утрату ею десятины от вир и продаж, было возложено на должностное лицо, осуществлявшее в Заонежье сбор *княжеских* доходов. Это означает, что собственных сборщиков епископ в середине XII в. сюда не посылал. Если бы его люди взимали церковную десятину непосредственно в Онеге, то и этот новый сбор оказался бы в их компетенции. Однако он был возложен на «Домажирича», которому, в случае недостачи, предписывалось пополнить епископскую сумму из княжеской доли доходов. Вероятно, и десятина от даней, следуемая епископу, собиралась здесь таким же порядком, с тем лишь отличием, что размеры ее могли слегка колебаться (ср. в грамоте Ростислава: «...а некоторый погибнет, то тии десятины убудет...»). Передача церковным должностным лицам указанных сумм осуществлялась, скорее всего, уже в самом Новгороде. Никаких промежуточных инстанций между Домажиричем, с одной стороны, и епископом и князем, с другой, здесь не указано.

Кто же был этот Домажирич, к которому в середине XII в. стекались дани со всего Заонежья и Заволочья? В литературе не раз высказывалось мнение, что «домажирич» — это испорченное «доможирец» или «доможилец», т. е. «домочадец», управлявший княжескими имениями в Онеге¹²⁹. Открытие В.Л. Янина, установившего тождество ста гривен новых кун «из Онега» всей оговоренной в грамоте сумме епископского сбора с территории от Онеги до Белого моря, заставило меня критически оценить подобную трактовку.

Во-первых, такое понимание термина обязывает нас предположить постоянное, стабильное пребывание «домажирича» в Онеге. Между тем новгородская административная система ни тогда, ни после не знала случаев, чтобы крупные чиновники, «держатели» волостей, сами постоянно в них проживали. Далее, признание того, что обширные пространства новгородского Северо-Востока управлялись в середине XII в. княжеским слугой, «домочадцем», автоматически влечет

¹²⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 109; Насонов А.Н. «Русская земля». С. 69–92; Шапов Я.Н. Княжеские уставы. С. 162; Янин В.Л. Очерки. С. 87.

за собой вывод, что новгородские князья обладали очень давними, устойчивыми правами на обладание Заволочьем. Тогда как же вышло, что в XIII в. они оказались бесповоротно «отлучены» от этих земель? Древнейшее сохранившееся новгородско-княжеское докончанье 1266 г. зафиксировало в сложившемся виде такой порядок, при котором князю вообще не было доступа на территорию погостов, перечисленных в грамоте Святослава Ольговича («...а волостей ти, княже, новгородьских своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородьскими... А се волости новгородьские: Бежиче, Городецъ, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печора... А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца...»)¹³⁰. По этим условиям, князь не имел возможности ни управлять указанными волостями, ни содержать своих «мужей» за счет кормов с них, ни увеличивать свои доходы по мере дальнейшего освоения колоний. Этот порядок, конституированный не позднее середины XIII в., обычно противопоставлялся тому, что был зафиксирован в Уставе Святослава Ольговича. Действительно, если видеть в «домажириче» княжеского слугу-управителя, контраст получается разительный. Но не лежит ли в его основе неверное толкование текста?

Упомянутый термин «домажирец-доможилец» вообще неизвестен памятникам новгородской письменности. Попытка увидеть похожее слово в обрывке берестяной грамоты № 149 была признана несостоятельной. В ней упомянут не «доможил», как считалось ранее, а распространенное в средневековом Новгороде мужское имя «Доможир»: «...да Доможирово. 10. ож...»¹³¹.

Материалы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» также показывают: никакого «домажирича» в значении «управителя», «домочадца» в древнерусском языке не существовало¹³². Все упоминания его в юридических и литературных памятниках, за исключением грамоты Святослава, не оставляют сомнений, что перед нами имя собственное, распространенное древнерусское отчество. Таким образом, мифический «домажирец» представляет собой искусственную филологическую конструкцию, обусловленную неверным пониманием термина текста Устава Святослава.

Домажирич, упомянутый в грамоте, скорее всего, был знатным новгородцем, членом боярского рода, основанного неким Доможиром и традиционно взимавшего дани в Заонежье. Коренная новгород-

¹³⁰ГВНП. С. 9–10.

¹³¹НГБ 1977–1983. М., 1986. С. 193–194.

¹³²Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 307.

ская знать занимала прочные позиции на поприще сбора княжеских доходов. Можно также предполагать наличие устойчивых связей отдельных семейств с определенным податными территориями. Кстати, инициатива «новгородских мужей» в деле освоения северных колоний не подлежит сомнению. Прямым подтверждением тому является известный летописный рассказ о Гюряте Роговиче, посылавшем своих «молодцев» в далекую Югру на рубеже XI–XII вв.¹³³

Подобная трактовка снимает все противоречия, указанные выше. Во-первых, тогда из текста грамоты уже не следует, что Домажирич являлся постоянным жителем Прионежья. Устав неопровержимо свидетельствует лишь о регулярности получения им дани «из Онега» и выдаче князю и епископу определенных сумм. Во-вторых, отпадает необходимость считать порядок управления Заонежскими владениями Новгорода в XIII в. результатом каких-то «революционных» перемен. Становится очевидным, что запрет отдавать эти колонии в кормление приезжим «княжим мужам» был подготовлен длительной практикой «держания» их именно новгородскими мужами. Давность этой традиции, несомненно, явилась предпосылкой ее законодательного оформления в XIII в.

Следует присмотреться к перечню погостов, на которых, судя по тексту грамоты, разворачивалась деятельность Домажирича. Сумму в 100 гривен новых кун, собранную на обширных пространствах Новгородского Севера, Домажирич выдавал епископу «из Онега». Могла ли вся очерченная в грамоте территория, простиравшаяся до побережья Белого моря, называться «Онегой»? Сомнительно. Скорее, следует считать ее пограничной новгородской волостью, за пределами которой в XII в. лежали земли с «примученным» населением. Косвенно это подтверждается тем, что территория Восточного Прионежья до р. Онеги числилась в дальнейшем в составе Обонежской пятины, в то время как земли по р. Моше, Ваге, Сухоне, Двине, Пинеге, упомянутые в грамоте, оставались за пределами пятин.

Сбор доходов с этих территорий в первой половине XII в., по видимому, производился наездами из Онеги. Там, в конечном счете, и «сходились дани» с разных областей Заволочья. Поэтому список податных единиц грамоты Святослава, включающий и Онегу, и Заволочье, заведомо неоднороден. Открывает его ряд пунктов, прямо названных в тексте погостами. Это считается, как правило, достаточным основанием, чтобы трактовать *весь перечень* грамоты как «список по-

---

¹³³Повесть временных лет. С. 244–245.

гостов». Но на деле прямые упоминания погостов связаны исключительно с волостью Онегой: «...В Онеге на Волдутове погосте два сорочка, на Тудорове погосте два сорочка...» и т. д. А вот при перечислении доходов с отдаленных местностей, лежащих за пределами Онеги, погосты не упомянуты напрямую ни разу. Составляющие указанного списка не поддаются однозначному истолкованию. За обозначениями типа «у Вихтуя», «у Чюдина», «у Еми», «в Пинезе», «в Кергеле», «на Борку», «устье Емыце», «устье Ваг» и пр. могут стоять и общины, названные по именам своих старейшин, и территориальные единицы, и населенные пункты, куда являлись данщики. В отдельных случаях они могут означать просто места остановок, удобные пристани, на которых происходили контакты новгородцев с местным населением.

Отсутствие единого принципа в обозначении податных единиц Заволочья выступает очень отчетливо, если сравнить данный список с аналогичным перечнем грамоты Ростислава, охватывающим ядро Смоленской земли. Наиболее вероятной причиной тому можно считать слабую освоенность Новгородского Северо-Востока в первой половине XII в. и отсутствие там единой системы налогообложения. Именно здесь, как мне представляется, лежит ответ на вопрос, почему в тексте грамоты не оговорено, какую долю от общего сбора в этих пунктах составляют 100 гривен новых кун епископского дохода. Видимо, то, что собирали «молодцы» Домажирича в Заволочье в указанный период, вообще не поддавалось фиксации.

Рассматривать порядок сбора дани, стихийно формировавшийся в новгородских колониях XII в., в рамках той погостско-волостной системы, которая уже получила развитие на основной территории древнерусских княжеств, было бы неправомерно. Прямое свидетельство о наличии погостов на территории Онеги еще не дает оснований видеть их и в Заволочье XII в. Источник указывает лишь на то, что дани здесь взимались с ряда общин со старейшинами во главе или иных территориальных общностей, возникших, конечно, независимо от деятельности новгородцев. В дальнейшем на основе таких общностей, действительно, могли сложиться погостские округа. Известия о «погостах» с выраженными чертами общинного уклада на территории Новгородского Северо-Востока выступают в источниках, начиная с XIV в.¹³⁴

Грамота Святослава отражает более раннюю стадию проникновения новгородцев в Заволочье. Податные единицы, фигурирующие в

---

¹³⁴ГВНП.С. 279–280.

ней, трудно подвести под единое понятие погоста. Такое допущение неизбежно вносит элемент модернизации в наши представления о степени освоенности этих земель новгородской данью в XII в. Ежегодный сбор дани наездом «из Онега» и использование неславянских имен старейшин при обозначении податных единиц указывает, скорее, на то, что постоянного новгородского присутствия в Заволочье середины XII в. еще не было. Тяготение перечисленных регионов к водным путям легко объясняется тем, что именно за этими приречными областями данщики устанавливали контроль в первую очередь. Известия о строительстве здесь новгородских крепостей датируются не ранее XIV в.¹³⁵

3.3. Известия о погостах в источниках XIII в.

3.3.1. «Погосты» в новгородских берестяных грамотах. Наиболее ранней грамотой на бересте, упоминающей погосты, является пространная грамота № 531, датируемая рубежом XII–XIII вв.: «От Ане покло(н) ко Климате. Брате господине, попецалоуи о моем орудье Коснятиноу. А ныне извета емоу людьми: „Како еси возложило пороукоу на мою сестроу и на дочерь еи, назовало еси състроу мою коровою и дочере блядею. А нынеца Федо(р) приехаво, оуслышаво то слово и выгонало сестроу мою и хотело потяти“. А нынеца, господине брате, согадаво со Воеславомо, молови емоу тако: „Еси возложило то слово, тако доведи“. Аже ти возомолови Коснятино: „Дала роукоу за зяте“, ты же, браце господине, молови емоу тако: „оже боудоу люди на мою сътроу, оже боудоу люди, при комо боудоу дала роукоу за зяте, то ти я во вине“. Ты пако, брате, испытаво, которое слово звело на мя и пороукоу. А боудоу на томо, тебе не сестра, а моужеви не жена. Ты же мя и потени, не зяря на Федора. И даяла моя доци коуны людьми с изветомо, а заклада просила. **И позовало мене во погосто.** И язю поехала, оже онь поехало проце, а река тако: „Азо солю 4 дворяно по гривене събра“ (выделено мной. — *Н.П.*)»¹³⁶.

Текст этой грамоты был обстоятельно прокомментирован издателями¹³⁷, а перевод отдельных спорных мест в дальнейшем уточнен А.А. Зализняком¹³⁸. Несомненно, речь идет о поруке, т. е. ответствен-

¹³⁵НПЛ. М., 1950. С. 355.

¹³⁶НГБ 1962–1976. М., 1978. С. 130–134.

¹³⁷Там же. С. 134.

¹³⁸НГБ 1977–1983 гг. М., 1986. С. 213–214.

ности поручителя за денежную сумму, доверенную третьему лицу. Несостоятельным должником выступает зять Анны, которая категорически отрицает самый факт поручительства за него. Издатели грамоты полагали, что основной причиной конфликта послужило подозрение Коснятина, будто семейство Анны тайно пускает в оборот деньги, доверенные им ее зятю для дачи в рост. Таким образом, он предъявляет иск четверым обвиняемым и грозит прислать четверых дворян взять с каждого из них по гривне серебра.

Анна, ни словом не возражая против виновности своего зятя, отрицает лишь факт «поруки», т. е. своей личной ответственности за доверенную ему сумму. Следовательно, речь идет не об утаивании части прибыли, а именно о невозможности возратить деньги по требованию кредитора. Признание факта поруки сделало бы ее по закону единственным ответственным лицом, а вовсе не одним из четверых. Не случайно Коснятин вызывает на погост только ее, пригрозив четырмя дворянами. Если бы обвиняемых было четверо, вызваны были бы все. Однако претензии кредитора к дочери Анны носят совсем другой характер. Оскорбления в ее адрес объясняются, скорее всего, подозрениями, что несостоятельность должника произошла в результате самовольных действий его жены, втайне распоряжавшейся деньгами. Возражения Анны сводятся к тому, что, во-первых, сама она не ручалась за зятя и не обязана за него платить, во-вторых, действия ее дочери никому не принесли ущерба, ибо сделки совершались при свидетелях и были обеспечены залогами.

Комментаторы объясняют вызов Анны на погост исходя из нормы, сохранившейся в ст. 25 Псковской судной грамоты. По этой статье вызов на суд считался законным, если повестка (позовница) была предъявлена обвиняемому *на погосте*¹³⁹. Новгородские документы XIV–XV вв. не сохранили аналогичного установления. Однако в берестяной грамоте № 154 (середина XIII в.) описывается судебное заседание, в ходе которого «правщики» допрашивают свидетеля и определяют компенсацию пострадавшей стороне, уплачиваемую на месте. Однако размер виры (государственного штрафа) осужденному предстоит еще выяснить у посадника и сотских. В заключение говорится: «...А то ся деялось седне во Велики день. А то **диялось на погосте, на торге**... (выделено мной. — *Н.П.*)»¹⁴⁰. Таким образом, перед нами как бы заседание суда первой ступени, происходящее на погосте в той округе,

---

¹³⁹ ПРП. Вып. 1. С. 218.

¹⁴⁰ НГБ 1955. М., 1958. С. 31–33.

где было совершено преступление. Вероятно, такой порядок значительно облегчал производство расследования и поиск свидетелей.

Есть основания предположить, что именно такого суда на погосте ожидала Анна в момент своего обращения за помощью к Климьяте. Если бы ей предстояло судебное разбирательство в Новгороде, целесообразно было бы сразу поехать туда, тем более, что Федор выгнал ее из дому, и она ютилась по чужим людям. Однако она остается на погосте, куда приехала, потому что («оже») Коснятин обещал прислать дворян¹⁴¹. Обвиняемая только одна, а дворян четверо, причем каждому из них следует по гривне серебра. Логично предположить: эти деньги представляют собой штраф, судебную пошлину, взыскиваемую с виновной стороны в пользу должностных лиц. Возможно, перед нами те самые «правщики», которые были упомянуты в грамоте № 154.

Умоляя Климьяту учинить встречный иск за оскорбление, сама Анна продолжает оставаться на погосте. Видимо, на то есть причины. Если, по псковским нормам, обвиняемого, не явившегося на суд после оглашения «позовницы», доставляли туда силой¹⁴², то в Новгородской земле существовала практика бессудных грамот, то есть заглазного признания виновной стороной того, кто не явился на суд¹⁴³. Таким образом, в случае приезда дворян на погост в отсутствие Анны, решение было бы для нее заведомо неблагоприятным. Ей пришлось бы самой уплатить весь долг и 4 гривны штрафа. Не рассчитывая на беспристрастность судей, посланных Коснятином, она обращается к Климьяте с просьбой вмешаться в дело.

Подводя итоги рассмотрению данного источника, следует подчеркнуть, что погост выступает в нем как центр местного судопроизводства. В то же время должностные лица для разбора конкретных дел присылались туда, по-видимому, из Новгорода (во всяком случае, если одной из сторон являлся горожанин). Привлечение грамоты № 154 позволяет конкретизировать функции и права такого суда на погосте. Здесь определялась компенсация материального ущерба потерпевшей стороне и происходила расплата за него. Что же касается более тяжелых преступлений, караемых вирой, то их рассмотрение переносилось в суд более высокой инстанции, в Новгород.

Другое ценнейшее свидетельство о погостах приведено в берестяной грамоте № 211, относящейся уже ко второй половине XIII в. Из всех вариантов разбивки ее текста на слова я принимаю следующий: «На се-

---

¹⁴¹НГБ 1977–1983. С. 214.

¹⁴²ПРП. Вып. 1. С. 306–307.

¹⁴³НГБ 1955. С. 10–11.

ло Во Еги, вдало есомо 5 гривено вхого. Со цксоса (со искоса?) и **от мѣжа дахо сарати погосту**. 2 гривни возяти было...»¹⁴⁴. Данный вариант, предложенный В.Л. Яниным и А.А. Зализняком, основан на глубоком изучении лингвистических особенностей и техники письма новгородских текстов на бересте. Представляется бесспорным, что речь идет о покупке села Во Еги (или Воеге) за 5 гривен. Однако часть земли, принадлежавшей селу (спорной?), была уступлена покупщиком погосту, который выступает в данном случае как территориальная общность и корпорация, способная распоряжаться земельными угодьями. Данное известие находит прямую аналогию в одной псковской грамоте середины XV в., несомненно, указывающей на территориально-общинный характер владения землей жителями погоста в Лисьях¹⁴⁵. Несмотря на позднюю дату грамоты, ее известия заслуживают пристального внимания. В силу ряда отличий в облике и темпах развития феодального землевладения псковского и новгородского регионов, ситуацию, развившуюся здесь, можно считать синхростадиальной более раннему этапу развития тех же явлений на новгородской почве. Аналогия с берестяной грамотой № 211 подтверждает это предположение. На сущность погоста как корпорации смердов, основной административно-территориальной единицы Новгородчины, указывает, на мой взгляд, и известная фраза новгородско-княжеских докончаний XIII–XV вв.: «...а кто смерд, то пойдет (потягнет) в свои погост (потуг)»¹⁴⁶.

На протяжении всего периода существования Новгородской республики с 1266 до 1470-х гг. эта фраза о принадлежности смердов к погостам не переставала быть актуальной, демонстрируя важность, которую придавали хозяева города правильному функционированию данной системы. Значение ее отнюдь не умалялось тем, что подавляющее большинство сельского населения Новгородчины давно вступило в отношения зависимости от крупных и мелких феодалов. В указанный период в развитии новгородской системы управления волостями окончательно обозначились тенденции, определившие лицо Новгородской республики в эпоху позднего Средневековья (сугубая централизация, обилие налогов в пользу городской, а не княжеской администрации, резкое сокращение общинного земельного фонда, сращивание государственной и частной собственности на землю, рост отношений по-

¹⁴⁴НГБ 1956–1957. С. 173; НГБ 1977–1983. С. 195, 235–236.

¹⁴⁵Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XV–XVI вв. М., 1966. С. 59–60; Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время (развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв.). Л., 1980. С. 122.

¹⁴⁶ГВНП. С. 13, 16, 20.

кровительства). Погостская организация на позднем этапе своего существования занимала важное место в системе государственной эксплуатации Новгородских земель. Она заметно отличалась от системы, существовавшей здесь в эпоху раннего Средневековья, в иных условиях. Особенности этого раннего этапа функционирования погостов мы и постараемся сформулировать ниже.

4. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПОГОСТ» В ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Понятие «погост» в памятниках древнерусской письменности при детальном рассмотрении оказывается не столь древним, как казалось ранее. Во всяком случае, ни один текст не называет «погостом» место остановки князей и их мужей в полюдье в IX–X вв. Возможно, даннические отношения племен древлян, северян, радимичей и пр. к киевским князьям в этот период можно считать примерно синхростадийными тем, что установились между Новгородом и населением Заволочья в первой половине XII в. В связи с этим отметим, что и в Заволочье ни одна податная община, ни один населенный пункт XII в. не названы в источниках «погостами».

Устав Владимира Святославича рисует нам погосты как судебные и податные центры на основной территории Приднепровской Руси в конце X в. Возможно, становление этой системы началось на несколько десятилетий ранее. Скорее всего, оно было связано с успехами в деле окняжения земель во второй половине X в., с созданием определенного порядка налогообложения и судопроизводства, помимо архаичного полюдья. Тем не менее известие ПВЛ под 947 г., на мой взгляд, должно привлекаться с осторожностью. Оно, безусловно, отражает какие-то данные о деятельности княгини Ольги по «устройству земли», сохранившиеся в местных преданиях. Но терминология этой летописной статьи принадлежит уже XI в. Древнейшие погосты X–XI вв. предстают перед нами, в первую очередь, как населенные пункты, центры округи. Таково наиболее вероятное значение погостов, упоминаемых в Уставе Владимира и в ПВЛ под 947 и 1071 гг. Нет прямых сведений, что округа таких центров-погостов в указанный период тоже называлась «погостом».

На какой подоснове развилась на Руси погостская система? Вероятно, однозначного ответа тут дать нельзя. Погосты-поселения могли расти на местах бывших княжеских станов, но ту же роль порой при-

нимали на себя старинные местные центры, основанные вовсе не князьями. В любом случае путать само явление с его подосновой не следует. Возникновение сети погостов-центров на Руси соответствует этапу развития государственности, на котором архаичное полюдь, выросшее из общинных пиров, и неприкрытый грабеж «примученных» племен, уступили место регулярному сбору дани по округам. Сбор этот производился верхушкой местного населения, активно включившейся в процесс раннеклассовой эксплуатации соплеменников.

Вероятно, чаще всего погосты X–XI вв. возникали как податные и судебные центры определенных *волостей*, сложившихся гораздо ранее. Такие волости, как правило, носили свои исторические названия и сами в обиходе назывались погостами. Погост в значении округа появляется в источниках не ранее второй четверти XII в. Возникновение этого понятия связано с освоением вширь краинных пространств волостей, с княжескими заимками пустовавших земель и появлением там постоянного контингента княжеских людей. Не исключено, что в ряде случаев округа, тянувшая данью и судом к одному из погостов более крупной волости, сама в XII–XIII вв. начинала именоваться «погостом». Эти территориальные единицы носили двойные названия, включавшие обязательное указание на волость, частью которой они являлись (для новгородских погостов XV–XVI вв. делалось аналогичное указание на пятину).

Таким образом, судя по данным письменных источников, погосты на раннем этапе не представляли собой системы территориального деления, отличной от волостной. Они являлись одним из аспектов данной системы, наложившись на нее как на более древнюю основу. Если сеть погостов-центров на каком-то этапе истории была, по-видимому, чрезвычайно широка, то погосты-округа в настоящем смысле слова существовали далеко не повсеместно. Эта картина весьма мало напоминает систему погостов эпохи новгородских писцовых книг, которая представляет собой как бы сплошную сетку, наброшенную на карту Новгородчины.

Исчезновение погостов как административных единиц на большей части территории Руси связано с такими явлениями, как расширение иммунитета, трансформация методов управления черными землями, развитие системы кормлений и т. п. В то же время проникновение христианства вглубь и строительство на погостах церковью создавали и укрепляли новую основу социальных связей населения каждого из таких округов — приходскую общину. В целом ряде регионов это значение погоста оказалось единственным, дожившим до Нового времени.

В Новгородской земле процесс протекал иначе. Вместо исчезновения системы погостов мы наблюдаем тут ее трансформацию, приспособление к новым условиям, в которых погост-округ практически вытеснил волость, превратившись в основную единицу территориального деления. Погосты-места сохранили при этом значение приходских, судебных и податных центров. К XIV–XV вв. относится целый ряд известий о погостах как субъектах права, территориальных общностях населения, выступавших одной из сторон в споре о земле. Наиболее раннее свидетельство такого рода в берестяной грамоте № 211 принадлежит второй половине XIII в.

Вызревание этих функций погостов происходило, скорее всего, исподволь. Определенное влияние могли здесь оказать и более древние общинные и волостные связи населения. Однако в целом черты общинной организации погостов Северной Руси в эпоху позднего Средневековья представляются не реликтом глубокой древности, а продуктом развития общественных отношений XII–XIII вв. На их формирование, несомненно, оказали большое влияние социальные связи населения, определившиеся в результате длительного функционирования погостов как податных единиц. Немаловажными обстоятельствами были и строительство церквей на погостах, начавшееся еще в древнерусское время, и та совершенно особая роль, которую играл новгородский владыка в управлении землями в послемонгольский период. Однако данный аспект проблемы выходит за рамки настоящей работы и требует отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974.

Алексеев Л.В. О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. 1977. № 1. С. 83–103.

Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.

Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время (развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв.). Л., 1980.

Алешковский М.Х. Повесть Временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Андряшев А.М. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Карты погостов. СПб., 1913.

Андряшев А.М. Материалы по исторической географии Новгород-

ской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. I. Списки селений. М., 1914.

Арциховский А.В. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле // СА. 1936. № 1. С. 187–194.

Бахрушин С.В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 165–175.

Безус Н.Б. Северные погосты Деревской пятины в конце XV–XVI вв.: расселение и землевладение. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2002.

Белецкий С.В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004. С. 243–319.

Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. М., 1861. Кн. 1.

Блюменфельд Г.Ф. О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884.

Брайчевский М.Ю. Движения волхвов в Северо-Восточной Руси в XI в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. С. 48–61.

Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975.

Веселовский С.Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. (историко-социологическое исследование о типах городских поселений). М.; Л., 1936.

Воронин Н.Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935.

Воронин Н.Н. Поселение // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 182–203.

Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии. 1950. Т. 20. С. 271–302.

Греков Б.Д. Киевская Русь // *Греков Б.Д.* Избранные труды. М., 1959. Т. 2. С. 13–412.

Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955.

Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории народов Восточной Прибалтики (VII–XII вв.) // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 27–42.

Дубов И.В. Северо-Восточная Русь XI в. и события 1024 и 1074 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. С. 28–33.

Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1910.

Залевская [Платонова] Н.И. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 49–54.

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. I.

Карышковский П.О. К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава // Кр. сообщ. Института славяноведения. М., 1952. Вып. 9. С. 53–61.

Клеева А.В., Платонова Н.И. Золотое ювелирное изделие из Передольского погоста // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. Докл. междунар. российско-литовского семинара. Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г. СПб., 2009. С. 89–93.

Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904. Ч. 1.

Концецкий В.Я. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли: 1990. М., 1991. С. 89–116.

Концецкий В.Я. Проблемы и перспективы микрорегиональных историко-археологических исследований (на примере района низовьев реки Холовы) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Новгород, 1995. С. 7–9.

Концецкий В.Я., Носов Е.Н. Бельский археологический комплекс — древний административный центр Помостья // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989. С. 76–81.

Корецкий В.И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5. С. 201–207.

Кудряшов А.В. Археологические памятники Средней Шексны X–XIII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Кузьмин С.Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли: 1990. М., 1991. С. 153–168.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб., 1991.

Левченко М.В. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в I половине X века // ВВ. 1953. Вып. 6. С. 11–35.

Литаврин Г.Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: проблема источников // ВВ. 1981. Вып. 42. С. 35–48.

Литаврин Г.Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 43–57.

Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929.

Макаров Н.А. Сельские приходы XV–XVII веков и системы расселения домонгольского времени на Белом озере: проблема преемственности // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 3 (URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/3ki/ril/lov/2.htm>).

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XV–XVI вв. М., 1966.

Мартынов М.Н. Восстание смердов на Волге и Шексне во II половине XI в. // Уч. зап. Вологод. пединститута. 1948. Т. 4. С. 13–36.

Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. 1985. Вып. XXXIX. С. 18–277.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Начальные этапы урбанизации и становления государства (по материалам Древней Руси и Скандинавии) // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 99–108.

Моора Х., Лиги Х. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. (к вопросу о возникновении феодальных отношений). Таллин, 1969.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XIII века. М., 1969.

НГБ 1955 — *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.

НГБ 1956–1957 — *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.

НГБ 1962–1976 — *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.

НГБ 1977–1983 — *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1853. Т. 8.
Новгородские писцовые книги. СПб., 1862. Т. 2: Переписная об-
рочная книга Деревской пятины.

Нордман Н.Н. Географическое положение погостов — округов Шелонской пятины по писцовым оброчным книгам 1498 г. (с картой 17 погостов Шелонской пятины) // Изв. Русского географического общества. 1908. Т. 44, вып. 8. С. 529–592.

Носов Е.Н. Грамота Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (историко-археологический комментарий) // Новгород и Новгородская земля. 1988. Л., 1988. Вып. 1. С. 79–81.

Носов Е.Н. Новгородская волость Буйцы: историко-археологический комментарий // Новгород и Новгородская земля. 1990. Вып. 3. С. 110–114.

Носов Е.Н. Еще раз о грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Санкт-Петербург; Псков, 1997. Т. II. С. 96–100.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильмья: новые материалы и исследования. СПб., 2005 (Труды ИИМК РАН; Т. XVIII).

Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси XI — начала XII в. М., 1978. С. 21–277.

Папков А.А. Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в Северной России // Русский вестник. 1898. Т. 258, кн. 11. С. 55–85; Кн. 12. С. 13–34.

Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.

Перельман И.Л. Новгородская деревня в XV–XVI вв. // Изв. 1948. Т. 26. С. 128–197.

Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предистории Древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 100–112.

Платонов С.Ф. Летописный рассказ Ольги о крещении в Царьграде // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54. С. 182–186.

Платонова Н.И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 173–186.

Платонова Н.И. Городища Верхнего Полужья и их связь с погостами // История и археология Новгородской земли. Л., 1987. С. 31–33.

Платонова Н.И. Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Платонова Н.И. Древнерусские погосты в Уставе князя Владимира Святославича // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец, 1990. С. 103–108.

Платонова Н.И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М., 1991. С. 68–88.

Платонова Н.И. О погребальном обряде верхнелужских сопкок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 181–195.

Платонова Н.И. Передольский погост в системе административного управления Новгородской земли // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 322–329 (Труды Гос. Эрмитажа. Вып. XLIX).

Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 142–194.

Половой Н.Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источников) // ВВ. 1961. Вып. 18. С. 85–104.

Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси (очерки из истории X–XII столетий). СПб., 1909.

Приселков М.Д. Киевское государство во второй половине X века по византийским источникам // Уч. зап. Ленинград. гос. ун-та. Сер. истор. наук. 1941. Вып. 8. С. 215–246.

ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II: Ипатьевская летопись.

ПСРЛ. Л., 1921. Т. 24: Типографская летопись.

Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.

Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Тр. ЛОИИ. 1960. Т. 2. С. 327–476.

Романцев И.С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911.

Рыбаков Б.А. Смерды // ИСССР. 1979. № 2. С. 36–57.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов М.Б. К изучению грамоты Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // НИС. 1993. Вып. 4 (14).

Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960.

Седов В.В. Новгородские сопки. САИ. Вып. Е1–8. М., 1970.

Селин А.А. Предания о сельских храмах и археологические реалии XVI в. // Церковная археология. Материалы 1-й Всероссийской конференции Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура (Археологические изыскания. Вып. 26, ч. 2). Санкт-Петербург; Псков, 1995. С. 120–122.

Селин А.А. Ивангородская дорога. СПб., 1996.

Селин А.А. Сельское храмовое строительство в Водской пятине конца XVI — начала XVII в. // Первые Димитриевские чтения. Мат-лы науч. конф. 21–24 апреля 1996 г. 1996. С. 204–210.

Селин А.А. Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

Сергий (Тихомиров). Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 г. (с приложением алфавитных списков сел, деревень, починков и пустошей, названных в писцовой книге 1500 г., алфавитного списка помещиков и карт Водской пятины и ее погостов в 1500 г.). СПб., 1905.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1–5.

Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Вып. XXX. С. 3–26.

Тихомиров М.Н., Щепкина М.В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.

Фролов А.А. Территориально-административная система XIV–XV вв. на землях Деревской пятины Новгородской земли. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Фроянов И.Я. Смерды в Киевской Руси // Вестн. ЛГУ. Сер. истории. 1966. № 2. С. 62–73.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экологической истории. Л., 1974.

Фроянов И.Я. Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. // Духовная культура славянских народов. Л., 1983. С. 19–38.

Фроянов И.Я. Народные волнения в Новгороде в 70-х гг. XI в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. 1985. Вып. 9. С. 61–71.

Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII века. Л., 1992.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Харлашов Б.Н. К вопросу о формировании и развитии погостов и писцовых книг в Псковской земле // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конф. Псков, 1986. С. 32–33.

Харлашов Б.Н. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 70–76.

Харлашов Б.Н. Некоторые итоги изучения административно-территориального деления Псковской земли // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2000.

Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // *Новосельцев А.П., Паушто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 128–278.

Черепнин Л.В. Формирование крестьянства на Руси // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I. С. 314–349.

Чернов С.З. Историческая география Взвядского погоста // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 104–112.

Шапиро А.Л., Абрамович Г.В., Осминский Т.И. и др. Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1976.

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 9–150.

Щапов Я.Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси // *Новосельцев А.П., Паушто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 279–352.

Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблеме появления и развития типа поселений, который обозначался в средневековых источниках как «погосты».

Возникновение сети погостов-центров на Руси соответствует этапу развития государственности, на котором архаичное полюдьё уступило место регулярному сбору дани по округам. Сбор этот производился верхушкой местного населения, активно включившейся в процесс раннеклассовой эксплуатации соплеменников.

Вероятно, чаще всего погосты X–XI вв. возникали как податные и судебные центры определенных территорий («волостей»), которые сложились ранее. Такие волости, как правило, носили свои исторические названия и сами в обиходе затем тоже стали называться «погостами». Погост в значении округа появляется в источниках не ранее второй четверти XII в. Возникновение этого понятия связано с освоением вширь окраинных пространств волостей, с княжескими заимками пустовавших земель и появлением там постоянного контингента княжеских людей. Не исключено, что в ряде случаев округа, тянувшая данью и судом к одному из погостов более крупной волости, сама в XII–XIII вв. начинала именоваться «погостом». Эти территориальные единицы носили двойные названия, включавшие обязательное указание на волость, частью которой они являлись.

Таким образом, судя по данным письменных источников, погосты на раннем этапе не представляли собой системы территориального деления, отличной от волостной. Они являлись одним из аспектов данной системы, наложившись на нее как на более древнюю основу. Если сеть погостов-центров на каком-то этапе истории была, по-видимому, чрезвычайно широка, то погосты-округа в настоящем смысле слова существовали далеко не повсеместно. Эта картина мало напоминает систему погостов эпохи новгородских писцовых книг, которая представляет собой как бы сплошную сетку, наброшенную на карту Новгородчины.

Исчезновение погостов как административных единиц на большей части территории Руси связано с такими явлениями, как расширение иммунитета, трансформация методов управления черными землями, развитие системы кормлений и т. п. В то же время проникновение христианства вглубь и строительство на погостах церквей создавали и укрепляли новую основу социальных связей населения каждого из таких округов — приходскую общину. В целом ряде регионов это значение погоста оказалось единственным, дожившим до нового времени.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусский акт, археология, историческая география, топонимика, погост, волость, дань, полюдьё.

ABSTRACT

The article deals with the emergence and development of the specific type of settlement, which is designated in the Old Russian written sources as *pogost*. The appearance of the *pogost's* network in Rus corresponds to the stage of development of the state in which archaic *polyudye* gave way to the regular collection of tributes by county. The collection of tribute in a new form was carried out by local elites, actively involved in the process of class-exploitation of their tribesmen.

Probably most *pogosts* were founded not only on new places, but also in centers, that have been established previously. *Pogost* in the meaning of a district appears in the sources in the second quarter of the twelfth century. The emergence of this concept is associated with the development of marginal areas of townships and with the appearance there of a permanent contingent of princes' people. It is possible that in some cases the district which owned tribute to the court began to be called *pogost* too.

According to written sources, *pogosts* at an early stage did not constitute a system of territorial districts different from *volost'*. They were one of the elements of the system, underlying it as a more ancient structure. The network of *pogost* centers was very wide.

The disappearance of *pogosts* as administrative units in most parts of Rus was connected with such phenomena as the extension of immunity, the transformation of 'black land' management practices, the development of *kormlenie*, etc.

Key words: Ancient Rus', ancient Russian legal act, archaeology, historical geography, place names, *pogost*, *volost*, tribute, *polyudye*.